

ЗОРОХ

КНИГА ВТОРАЯ

Жейнов Артур

16+

Артур Жейнов

Зорох

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Жейнов А. И.

Зорох / А. И. Жейнов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Слишком часто нашим героям везло в первой книге. И этого мы им не простим. Цена удачи будет высока. Новые враги куда сильнее и хитрее прежних. Они могущественны, умны и непредсказуемы. Героям не выстоять. Нет сомнений, они обязательно погибнут, и уже скоро. При условии, конечно, что все пойдет по нашему плану. Дизайн обложки Жейнов А.И.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	34
Глава 6	38
Глава 7	41
Глава 8	47
Глава 9	50
Глава 10	57
Глава 11	63
Глава 12	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68

КНИГА ВТОРАЯ
ПОРОЖДЕНЬЕ СТРАХОВ И ПОРОКОВ

Враги честнее союзников. Многие из тех, кто назывались друзьями, сбегут, когда станешь слабым. Враги останутся.

Глава 1

Бесконечная горная гряда – Высокие горы, отделяет Пятигорье от других Миров. Начинаются они на Востоке Харпы и тянутся на Север, касаясь почти всех десяти Миров, и определяя их границы.

Горы межаются с узкими полосами равнин, реками и озерами, на берегах которых селятся племена воинствующих кланов. Чем дальше на Север, тем выше горные вершины, тем меньше пастбищ для скотоводства, тем реже леса, дороже добыча охотника и дешевле человеческая жизнь.

На протяжении тысяч лет высокогорные кланы объединяются, чтобы вытеснить, согнать низкогорные с их территории, и, когда это происходит «низ» и «верх» меняются местами. Пары лет хватает победителям, чтобы набраться сил и начать притеснять бывших союзников, и пока сильные кланы дробятся, их слабые враги объединяются, чтобы нанести ответный сокрушительный удар. Так было всегда. Эта круговерть побед и поражений неизменна, как сами горы.

Так было всегда, но кое-кто уже знал – грядут перемены.

В ночь звездопада молодая жена Краогора Гериса, прозванного «Везучим» разродилась двойней. Жену звали Найя, но когда она попала в племя «Орлиных когтей» ее прозвали «Мрачной». Найя была молчалива и неприветлива. Краогор выкрал ее у племени «ледяных воинов», когда ей исполнилось двенадцать.

Долгое время два «Когти» и «Ледяные» были союзниками, но после того, как старик Краогор, в прошлом удачливый охотник и храбрый воин увидел Найю, отношения между вождями племен стали резко портиться. Краогор был на хорошем счету и вождь «Орлиных когтей» старый Хелкат Карр прислушивался к его словам. Краогор убеждал вождя, что «Ледяные» всегда получают лучшие земли, они берут больше добычи, а женщины, которые им достаются, рожают больше сыновей. Он напомнил, что в последнем бою они потеряли десять воинов, а «Ледяные», только троих. Вся добыча «Когтей» сорвалась в пропасть на «Крутых хребтах», а «Ледяным», как всегда сопутствовала удача – поход обогатил их, и они веселились, когда «Когти» скорбели.

Как и хотел Краогор Хелкат разозлился, и в одну из коротких летних ночей, когда почти все мужчины «Ледяных воинов» были на охоте «Орлиные когти» напали на их поселение, разграбили, убили подростков, и забрали женщин. Детям и старикам горцы оставили жизнь – они обуза для племени, и делают врага слабым. Подростков же убивали беспощадно, ведь они скоро станут воинами и усилят враждебный клан.

Краогору досталась вожделенная Найя. На глазах девочки будущий муж убил ее брата, а после боя казнил еще нескольких подростков клана. Быть украденной и стать женой кровного врага, такова судьба многих женщин из горных народов. Так было тысячи лет. Своим первым, вторым, а порой и десятым мужьям они рожали новых детей, любили новых детей, любили новых мужей, и верили в силу нового вождя и нового клана. Все обиды они должны оставить в прошлом во имя будущего своих детей, во имя будущего своей новой семьи. Соплеменницы Найи, которых украли вместе с ней в тот день, легко смирились со своей участью, но Найя не смогла. Уже через месяц они пели и танцевали на собственных свадьбах, лишь она сидела в стороне от всех, опустив свои холодные глаза. С этого дня ее прозвали «Мрачной».

Через год, когда Найи исполнилось тринадцать, у нее родилось двое сыновей. Первого Краогор назвал Нионом в честь одного из своих известных храбрых и безжалостных предков. Имя второму он позволил дать своей жене, и Найя назвала его Акроном в честь своего погибшего брата. Муж не разрешил бы ей назвать сына именем, которое никого не возвеличило в прошлом, и Найя придумала, что по их поверьям так звали прародителя всех горных народов,

первого пролившего кровь человека из Бескрайней долины. Выслушав такое объяснение, Краогор согласился.

Чтобы дать новорожденным вторые имена их отвели в пещеру к Сынам старых духов. Сыны – три немощных старика, с лицами испещренными татуировками, положили детей в котел наполовину наполненный холодной водой. Котел поставили на огонь. Двое стариков сели возле костра, и, произнося древние заклинания, стали бросать в огонь козлиные рога и Дымную траву, третий, стоял у входа, и смотрели на дым издали, пытаясь различить в темных искрящихся клубах неясные образы.

«Не вижу!.. – повторял он, закатывая глаза вверх и терзая длинными желтыми пальцами остатки волос на голове. – Не вижу!..»

Дети стали задыхаться и кашлять от дыма; вода в котле нагревалась и братья захныкали, сначала один, потом другой.

– Не вижу!.. – повторял Сын старого духа. – Нет будущего, туман... Это знак смерти... – Он обратился к Краогору: – Старые духи не хотят их. Мы бросим дерево в огонь, вода станет воздухом и поднимет их души к небу. Плачь и радуйся отец, твои дети раньше тебя окунутся в вечное сияние!

– Смотри еще, смотри внимательней, – просил Краогор, ведь это не чьи-то, это мои дети. Ты сваришь их только потому что ослеп на старости лет...

Но старик только тряс головой.

– Не вижу... Туман... Нет будущего...

– Ты не на дым, ты на огонь посмотри! – крикнула Найя. Она подошла к старику со спины, и, обхватив одной рукой за плечо, другой стала показывать на костер. – Ты же видишь это?! В самое сердце пламени смотри!

Старик прищурился, ничего не увидел, но почувствовал, как девичья рука соскользнула с плеча, и в спину, возле сердца ткнулось что-то острое и очень болезненное.

– В самое сердце смотри! – повторяла Найя, неужели не видишь?!

– Вижу, – проскрипел сквозь зубы старик. – Только очень не четко.

– А теперь? – спросила Найя, проворачивая острие ножа, чтобы оно легче могло скользнуть между ребрами. Старик стиснул зубы от боли, со страхом взглянул на решительное, холодное лицо молодой матери.

Старейшины клана и Краогор забыли про дым и впили внимательные взгляды в раскаленные угли.

– Вижу... вижу... То ли змеи, то ли пауки... – наконец, выдохнул старик. – Вынимайте детей, – приказал двум другим сынам, и когда Найя убрала руку, отскочил в сторону. Он был зол, порывался что-то сказать, выдать ее, но все же передумал. – Я не дам им сегодня имен, – объявил он. – Видение было смутным, и я боюсь ошибиться. Приведете их снова через пять лет, когда примут обет молчания. Ты! – крикнул он Краогору, – приведешь их один. Старые духи чураются женщин и прячут откровения. И приглядывай за своей женой – везучий, как бы твоя удача тебя не подвела.

Когда-то давно, когда в небе еще светилось два солнца, все люди говорили на одном языке, и все горные кланы слушались одного вождя. По старому, давно забытому преданию Арса единственный сын вождя Келлы оказался в плену у людей Бескрайней долины. Келле пришлось отдать за него тысячу обращенных в рабство воинов. Но в последний день плена пятилетний мальчик оскорбил владыку народа Бескрайней долины, и, перед тем, как вернуть отцу, ему отрезали язык.

Сын вождя стал посмешищем, на него показывали пальцем, за спиной шептались и посмеивались. «Ищи себе другую замену, – говорили Келле его советники. – Те, у кого есть язык, не станут слушать того, у кого его нет». Но Келла понял это по своему и велел отрубить

языки всем сверстникам своего сына, и рубить их впредь, как только дети будут достигать пятилетнего возраста. «К тому времени, как я состарюсь и умру, все станут такими как Арса, – думал вождь, – и никто не захочет себе другого, не похожего на себя вождя».

Когда Арсе исполнилось десять, он неожиданно заболел и умер. В том, чтобы рубить языки больше не было необходимости. Советники спросили, как быть дальше, но убитый горем вождь ничего не ответил. На свой страх и риск они отменили приказ Келлы, и заменили его пятилетним молчанием. Через тысячу лет никто уже не помнит ни Келлы, ни его сына Арсы, но дети молчат как и раньше. Старейшины и Сыны старых духов видят в этом волю богов, мудрость предков, преемственность поколений.

В раннем детстве братья были похожи как две капли воды, но они выросли, и чем старше становились, тем отличней, контрастней становились черты их характера. И тем не менее они всегда были вместе. Приветливый, отзывчивый Акрон, и угрюмый, подозрительный Нирон были частью чего-то целого, они нераздельны, как светлая и темная сторона луны.

Братья никогда не касались друг друга. На это никто никогда не обращал внимания. Даже сама Наяй не придавала этому значения, но когда однажды Акрон взял Нирона за руку, юная мать увидела такое, что испугало ее до глубины души.

Найе было восемнадцать, когда она, прихватив детей, бежала из селения с молодым охотником по имени Эгорн. Молодой любовник договорился с вождем клана «горных ручьев», что они возьмут их к себе, но путь был не близким и опасным. Они ушли ночью, когда Краогор и старейшины клана заключали союзы с высокогорными племенами.

На середине пути, перед спуском в Мглистую долину Эгорн упал со скалы и сломал ногу. За весь следующий день они не прошли и двух кругов. Нога Эгорна кровоточила, она распухла и посинела, каждое движение отдавалось невыносимой болью, в добавок ко всему начался жар, мужчина стал задыхаться и бредить.

Чтобы согреться разожгли костер. По среди ночи, из темноты, совсем рядом, раздался волчий вой. Стаи долины были многочисленны и совсем не боялись людей. Вой сменился рычанием, в темноте вспыхивали красные глаза, огонь костра освещал темные силуэты.

Эгорн смог подняться на ноги, несколько раз угрожающе взмахнул топором, но только разозлил волков. Долго ждать не пришлось: зверь вырвался из темноты, и, вцепившись в горло охотника, легко повалил на землю. Через секунду еще несколько черных волков бросились на поверженного человека. Разорвав в клочья, опьяненные кровью, опустив головы, они пошли на Найю и ее детей. Девушка вытащила из огня горящую палку и отодвинула сыновей ближе к костру, пряча за спиной. Тогда Акрон и взял Нирона за руку.

Огромный клыкастый хищник, тот самый, который первым напал на Эгорна, теперь бросился на Найю, и этот прыжок был для него последним. Между ним и Найей оказался Акрон. Он лишь махнул кулаком, даже не коснулся волка, но голова хищника оторвалась от тела и, искрясь глазами, улетела в темноту. Туловище зверя еще было в полете, но теперь рукой махнул Нирон, и обезглавленное тело разлетелось в стороны, разрываясь на мелкие куски.

Наяй услышала рычание позади себя, оглянулась, и не поверила глазам. Рычал не зверь, рычал Нирон. Сжав кулак над головой, он с силой столкнул над собой двух атакующих волков. Раздавленные туши с тупым звуком упали к его ногам.

Волки продолжали нападать, они еще не поняли с какой страшной, неведомой силой пришлось столкнуться. Стае доводилось убивать добычу в десятки раз больше и тяжелее той, что встретила сегодня. Столь яростное сопротивление было неожиданным и противоестественным. Еще несколько матерых хищников погибло, прежде чем стая решила отступить.

Но беды Найи на этом не закончились. Только она решила, что все обошлось, как все с тем же страшным рычанием ее дети бросились друг на друга, схватились и повалились на землю, пытаясь придушить или разбить голову подвернувшимися под руки камнями.

Необузданное страшное зло поселилось в них, пробуждая яростную ненависть друг к другу. Глаза братьев горели как угли, лица были перекошены, а руки сжимали горло противника так сильно, что Найя не смогла их расцепить.

Мать схватила Нирона за плечи и попыталась оттащить от брата, но он был тверд и неподъемен, как скала. В гневе он оттолкнул ее рукой, и она, перелетев через костер, ударилась головой о камень.

Они еще долго боролись, пока силы резко ни стали покидать их. Будто очнувшись от сна, они выпустили друг друга из смертельных объятий и бросились к матери.

Найя пришла в себя только к утру. Ее дети сидели возле нее на коленях и плакали. Теперь они стали такими как прежде, но мать уже знала – зло, которое живет в них, когда-нибудь напомнит о себе. Она взяла с сыновей клятву, что больше никогда они не возьмутся за руки, и, придав огню тело растерзанного Эгорна, они отправились в обратный путь.

Через сутки вернулись домой. В тот же день, сразу после их прихода воротился и Краогор. Их отлучка, так и осталась незамеченной.

После пятого дня рождения брата дали пятилетний обет молчания. Отец, как и велели Сыны старых духов, вновь привел их к священной пещере, чтобы провидцы племени все же дали им вторые имена. Но и в этот раз братья остались без имен. Во время ритуала старики упали в обморок и несколько суток пролежали недвижимыми. Через три дня «Сыны» пришли в себя и созвали большой совет племени. Необходимо было принять решение, в котором важен голос каждого мужчины клана.

Поздней ночью, при свете Великого огня, когда мужчины вернулись с охоты, и души убитых ими зверей успокоились и пересекли врата иного света, племя собралось на совет.

«Старые духи дают нам имена, чтобы видеть нас во тьме, – возбужденно говорил пророк. – Когда они ведут нас во мгле по зыбким тропам, то шепчут наше имя и только это не дает нам сбиться с пути и сорваться в пропасть. Я просил дать имена сыновьям Краогора, но духи спрятали их звучание высоко в горах. Когда я поднялся в горы, их имена бросили в небо, я взлетел, но имена вместе с дождем упали в воду, и зарылись в ил. Я раскопал их, но течение унесло их на глубину. Я брал в руки тяжелые камни и нырял в бездну, но, но так и не смог достичь дна.

Тогда я спросил духов: «Зачем вы прячете их от меня?» И духи ответили: «мы прячем их не от тебя, а от своих собратьев – мертвых духов возрожденных тьмой». «Зачем воскресшие духи ищут их?» – спросил я. «Чтобы направить реку будущего в нужное им русло» – ответили они.

– И что это значит? – спросил Хелкат Карр. Годы не научили старого вождя разбираться в туманных откровениях ясновидцев. Чем труднее было их понять, тем больше он пугался, и этот страх быстро перерастал в злость.

– Духи показали мне два ручья в глубоких руслах, – объяснил старик, – и велели выбрать тот, которому суждено стать полноводной рекой, и тот, которому предстоит пересохнуть.

– Ну и выбрал бы, – недовольно произнес вождь. – И стоило нас из-за этого собирать?

– Эти ручьи, став рекой не наполняют озера, не напитают равнины, они потекут к краю света, и сорвутся в бездну. Не простое решение.

– Так говори уже из чего нам выбирать, – раздраженно бросил вождь.

Немного помедлив, старик ответил:

– Нам надо решить – убить нам сыновей Краогора, или погибнуть самим.

– Убить? – переспросил вождь.

– Что бы вам ни нашептали духи, мы не станем убивать своих! – подал голос Краогор. – Они уже взрослые, и скоро станут полноправными членами племени. Живые в отличии от

мертвых могут приносить пользу. Они станут охотниками! Они станут воинами! Они сделают клан сильным!

– Везучий прав, – сказал вождь. – Мы стареем. Орлиным когтям нужна свежая кровь. Сейчас не время избавляться от детей. Тем более от мальчиков.

– Пусть живут... Пусть живут... – подали голоса сразу несколько воинов клана.

– Дождаться пока они станут воинами, все равно, что ждать, когда развалятся горы и, прорвав кожу на спине Земли, поднимутся новые, – сказал один из трех «Сынов», до сих пор не проронивший ни слова. – Если мы оставим им жизнь, то накличем на себя гнев всех горных кланов. Мы видели озера полные мертвой рыбы, и берега усыпанные дохлыми оленями с раздутыми животами. Вороны, которые клевали им глаза, поднимались в небо, и бесчувственно падали вниз. Голод и болезни придут к нам с низин. Чтобы избавиться от напасти кланы Высоких гор принесут в жертву всех своих близнецов, и того же потребуют от нас.

– Надо жить по закону, – сказал кто-то негромко.

– Если кланы потребуют близнецов, то отдадим, – уже громче поддержали его сразу несколько голосов.

– Все бы так и было, – покачал головой ясновидец. – Но после того страшного видения, к нам пришло еще одно. Из-за него мы здесь собрались. Мы видели орлов в пламени! – произнес он значительно. – Сыновья Краогора избраны.

– Что это значит? – спросил старый вождь.

– Им суждено объединить племена Высоких гор, – ответил третий Сын.

– Ценой большой крови, – добавил старший из ясновидцев. – Народы пяти горных вершин поклонятся им. Вождям кланов придется поделиться властью или умереть. Прежде чем настанет Большой мир, погибнут тысячи воинов. Надо выбирать. Если мы убьем близнецов сами, то избежим войны. Если не сделаем этого, то за какие-нибудь пять лет, многие из тех, кто пришли сегодня на совет, чтобы отдать свой голос Великому огню, лишатся жизни.

– Краогор великий воин, – недоверчиво произнес Хелкат, – но это мои наследники будут править «Орлиными когтями» после меня. Сыны старых духов что-то перепутали. Мои дети давно выросли и в боях доказали свою храбрость и силу. Это они объединят кланы! Им суждено изменить Свет!

– Подчинить все кланы одному, это великая цель, – подал голос кто-то из старейшин. – Мы ждали этого тысячу лет.

– Вы не понимаете, – старший из «Сынов» покачал головой.

– Да какая еще цель?! – крикнул другой. – Вы что не слышали? Смерть придет к нам с низин. Ни один клан не поддержит нас, если мы не отдадим Жертвенному вулкану своих близнецов. Нас всех в конце концов перебьют!

– Вот, – старик ткнул в его сторону пальцем. – Послушайте его, он понимает. Надо думать...

Все вдруг заговорили одновременно, совет загудел, как пчелиный рой.

– Это мои сыновья объединят кланы! – грозно крикнул Хелкат, и ударил себя в грудь. – Это их судьба и больше ничья!

– Конечно... конечно, – успокаивал вождя старик. – Но сейчас надо решить, что делать с этими двумя...

– А давайте убьем мальчишек, – раздался чей-то неуверенный голос из темноты, и вдруг стало тихо, только Хелкат продолжал стучать себя в грудь, и что-то бормотать под нос.

– Убьем, – уверенней повторил кто-то другой.

– А что будет, если мы убьем их? – спросил третий. – Сын старого духа открой на всю правду. Ты сказал, что обе реки срываются в бездну. Какие беды повлечет за собой убийство соплеменников?

– Перемены грядут, хотим мы или нет. Если мы убьем их, то проживем чуть дольше. Но нам никогда уже не быть великими. Старый хозяин на пороге нового Света. Я предупреждал, что выбор труден. Если оставим им жизнь, то развяжем войну, а если убьем – старые духи отрекутся от нас. Нам придется искать новых покровителей. Мы останемся живы, но никогда больше не вернемся в долины. Клань «Острых камней» и «Черных стрел» поклоняются воскресшим духам; со временем они займут наше место и навсегда останутся внизу. Полвека мы будем бедствовать и чахнуть, пока остатки племени ни примкнут к другим обескровленным высокогорным кланам.

– Ты предлагаешь жизнь, – сказал Краогор, – но жизнь без будущего. Жизнь позора и голода.

– Не я – боги дали нам два ручья. Я всего лишь прошу вас выбрать из них тот, который станет рекой.

– Ты видел только два ручья, но может был и третий? – спросили у него.

Пророк безнадежно мотнул головой.

– Нет.

Совет продолжался еще несколько часов. Мнения разделились. Краогор снова и снова брал слово и повторял, что лучше умереть молодым с копьем в руке, чем стариком с позором в сердце. Может, мы и погибнем, защищая их, но только подумайте: дети Орлиных когтей станут властелинами гор. Новый Мир объединится вокруг нашего клана. Наш долг поддержать их!

Неожиданностью для него стало то, что Сыны старых духов были на его стороне, а верный друг Хелкат настаивал на том, что убийство детей это меньшее из зол.

– Они нам сейчас только навредят, – говорил он. – Если острые камни, и другие кланы с низин хотят забрать их жизни, то пусть дают выкуп. Как это было всегда. Лишний скот и новые топоры нам сейчас как раз не помешают. Вот где я вижу настоящую выгоду. Найя молодая здоровая жена, она родит Краогору еще ни одного наследника. Нирон и Акрон не нужны. Пророки ошиблись – если кому-то и суждено объединить кланы, то это будут мои сыновья. Тиагор лучший охотник племени. Майгор в одном бою убил пятерых из клана «Ледяных». И вы думаете с такими воинами нас кто-то прогонит наверх? Никогда! Это мы спустимся еще ниже и зайдем Мглистые долины! Со Старыми духами или без них, но мы сделаем это, как делали это раньше!..

Этой ночью Найя не сомкнула глаз. Дожидаясь решения совета, она наблюдала за заревом Великого огня. Ей все казалось, что костер вот-вот погаснет, и это мучительное ожидание, наконец, закончится, но стоило ночному небу чуть потемнеть, как пламя разгоралось с новой силой, освещая верхушки сосен оранжевым светом.

Из шалаша доносилось беззаботное сопение спящих детей. Найя то и дело отгибала завешивающую вход лосиную шкуру, вглядывалась в их лица, будто ожидая, что что-то плохое может с ними случиться прямо сейчас. Но ничего не происходило, и, немного успокаиваясь, она снова обращала взор в ночное небо, напрягая зрение и слух.

Странные, противоречивые чувства испытывала Найя к своим чадам. Потерять их для нее было равносильно смерти. За каждого легко отдала бы свою жизнь, но когда в их взглядах, улыбках и фигурах она узнавала черты мужа, человека, убившего брата, и взявшего ее силой, то ненавидела собственных детей так же как его.

Когда Краогор вернулся было уже светло. Не говоря ни слова, он забрался в шалаш, и, укутавшись в оленью шкуру, завалился спать. В другой раз Найя не посмела бы побеспокоить мужа, но сейчас нервы были на пределе, и, готовая к любому, даже к самому страшному наказанию, она склонилась над ним и уверенно толкнула в плечо.

– Что ты делаешь? – удивился разбуженный муж.

– Какое решение вы приняли? – спросила Найя.

– Что ты себе позволяешь, женщина? – прорычал Краогор. Он потряс головой – не снится ли ему это? Убедившись в том, что это явь, схватил девушку за руку, и подтянул к себе.

– Какое решение вы приняли? – настойчиво повторила она. Подобная дерзость непροстителъна. Но Найя не похожа на остальных женщин клана. И может быть именно из-за ее тяжелого непокорного характера Краогор и выбрал ее из многих других. Долгое время он разглядывал ее красивое холодное лицо, будто пытаясь прочесть мысли. Он еще и сам не знал как накажет ее за дерзость. «Утром, все утром» – решил он, и с показной злостью отбросил в сторону тонкую девичью кисть. Усмехнувшись чему-то, снова отвернулся к стенке шалаша. Найя не уходила. Чувствуя взгляд, он повернулся обратно.

– Я их родила и имею право знать, какая участь им уготовлена, – решительно произнесла девушка. – Наши судьбы связаны, и если совет бросит их в огонь, то и я последую за ними.

– Ты просто выносила их в себе. Это могла сделать для меня любая другая женщина. Ваши судьбы никак не связаны, – сердито произнес Краогор. – Ты всего лишь кувшин в котором бродило мое вино. Им предназначено стать великими вождями. Их судьба парить орлами в солнечном небе, а твоя молиться Старым духам во мраке Глубокой пещеры.

– Значит, они будут жить, – облегченно выдохнула Найя.

– Племя не причинит им зла. Мы будем защищать их. Сыны старых духов поддержали меня.

– Скоро этим лгунам совсем перестанут верить. Все свои неудачи мужчины племени теперь будут приписывать нашим детям. Их жизнь в опасности.

– Это твоя жизнь в опасности, женщина. Ты мрачная и мысли твои мрачны. Вот от тебя уж точно скоро избавятся. За столько лет ты не стала частью племени. Ты носишь черные мысли и это видно по твоему лицу. Но я обещал «Сынам» очистить тебя. Теперь каждое утро ты будешь приходить к ним в пещеру и молиться до самого вечера. Можешь отправляться прямо сейчас, ты мешаешь мне спать.

Все что Найя хотела услышать, она услышала. Больше не проронила ни слова, снова стала покорной, и незаметной; поклонившись мужу она вышла из шалаша.

Глава 2

Жизнь племени шла своим чередом. Ничего не менялось, и если по началу люди жили в страхе, ожидая землетрясений, оползней и смертоносных молний, то со временем страсти улеглись. Ни болезней, ни голода обещанных ясновидцами не было. Никто не приезжал за детьми Краогора. Никто не требовал отдать их Жертвенному вулкану, не предлагал за них выкуп и не пытался выкрасть. Месяцы сливались в годы и у горцев появилась надежда, что страшное пророчество, нависшее над кланом миновало.

Нирон и Акрон выросли вместе с другими детьми племени, и почти ничем от них не отличались. Играли вместе со всеми, и помогали матерям вести их не хитрое хозяйство – выделывали шкуры, доили коз и плели сети, чтоб весной ловить нерестящуюся Кату. С семи лет мужчины племени стали брать их с собой на охоту. Детей учили делать ловушки, отслеживать добычу и разделять туши. К восьми им стали разрешать добывать раненых животных. Делать это надо было быстро, не проливая лишней крови.

В этом возрасте их сила и меткость еще не позволяла охотиться на крупных животных, но чтоб перейти на новую ступень надо было научиться убивать камышевок, зайцев, белок или не крупных хищников таких, как лисы или куницы.

В девять лет охотник должен подстрелить своего первого барана или козла, к десяти их должно быть больше трех, к одиннадцати надо добыть оленя, к тринадцати убить дикого кабана, к пятнадцати волка. В семнадцать лет молодому охотнику, при поддержке двух старших, надо выследить и убить взрослого медведя.

У Нирона задатки охотника были в крови. Он не отличался особой меткостью, но обладал невероятной интуицией, умел предугадывать куда побежит испуганное животное, и где лучше расставить ловушки. Беглого взгляда ему хватало, чтобы определить прячется в норе заяц или она пуста. В густой зелени высокой травы он замечал куропаток, а в беспросветных дубовых кронах осторожных тетеревов.

У Акрона не было способностей брата. Нирон убил уже своего второго козла, а на счету Акрона был только один старый горный кот, и того отец выбросил, когда понял, что тот давно умер своей смертью. При виде крови Акрон морщился, а когда брат сворачивал шею раненым уткам, отворачивал лицо в сторону.

Над Акроном уже посмеивались. Отец говорил ему: если и дальше будешь вести себя как трус, будешь оставаться в селении с женщинами, помогать им кормить грудных детей, и каждый вечер мыть ноги женам старейшин в Холодном ручье. «Похоже «Сыны» и в самом деле что-то напутали, – говорил он. – Такие как ты не становятся великими воинами. Я скажу тебе то, что когда-то услышал от своего отца: того, кто не научился убивать, научат умирать».

Нирон всего на несколько минут был старше Акрона, и все же отец попросил его, как старшего брата помочь младшему справиться со своей трусостью, разбудить в нем охотничий азарт.

Он велел им охотиться отдельно от других, но как только руки Акрона обагрятся первой кровью, они могут вернуться.

Для охоты братья выбрали широкую полосу леса, который принадлежал «нижним» кланам. Охотиться здесь опасно, но этот лес просто кишил живностью; Нирон решил, что они погибнут, или вернутся с добычей.

Первую половину дня они сидели в засаде возле звериной тропы, которая вела на небольшую заболоченную поляну. Мимо них то и дело шмыгали стайки диких кабанов, но связываться с ними было опасно. Не то что человек, не каждый тигр решится вступить в схватку с разъяренным, спасающим свое потомство секачом.

Прошло несколько крупных оленей, но убить такое сильное животное они бы не смогли. Олень наверняка ушел бы раненым, а оставить подранка страшный позор для горного охотника.

Косули были меньше, и эта добыча им под стать, но стоило им появиться, как Акрон начал чихать, и испуганные звери быстро растворились в темени леса.

После обеда Нирон решил попытать счастья и поохотиться на зайцев. Акрон занимал удобную для выстрела позицию, а брат, ломая сучья, и стуча палками по деревьям, гнал их со стороны леса к поляне. Пару раз на Акрона выбегало несколько довольно жирных экземпляров, но все стрелы юного охотника пролетели мимо.

Нирон злился и осуждающе качал головой. Сам он никогда не допустил бы таких промахов, и, тем не менее, ни стрел ни лука в руки не брал. Он твердо решил, что на этой охоте стрелять будет только Акрон. Ни сегодня, так завтра или послезавтра, но в этом лесу станет на одного охотника больше.

Весь вечер они ставили ловушки на зайцев и лис, ночью слышали, как несколько из них сработали, но утром все ловушки оказались пустыми. Акрон проснулся раньше и проверил их первым. Нирон не поверил глазам, когда увидел его возвращающегося с пустыми руками, и повторно проверил каждую.

Весь следующий день Акрон или промахивался, или начинал кашлять еще до того, как намеченная добыча подходила на расстояние выстрела. Если сначала Нирон сомневался, то теперь был уверен: Акрон делает это намеренно, он зачем-то решил вернуться к отцу с пустыми руками и выставить их на посмешище перед всем племенем.

Им шел десятый, четыре последних года они не разговаривали, но этим днем даже не смотрели друг на друга.

На ночь братья нашли высокую пещеру, разожгли в ней костер, и принялись стругать колья для двух волчьих ям, которые вырыли еще с вечера. Ночь была спокойная, тихая; сучья привычно потрескивали в костре. Акрон заострил очередной кол, отложил его в сторону и пристально взглянул на брата.

– Ты тоже считаешь меня трусом? – вдруг нарушил он тишину этой ночи.

От неожиданности Нирон дернулся, побелел лицом, и стал мотать головой из стороны в сторону, будто боясь, что в этой пещере Акрона мог услышать кто-то еще.

– Если я трус, то почему ты сейчас испугался, а я нет?

Нирон несколько раз ударил себя ладонью по губам, показывая, чтобы брат замолчал, но тот только усмехнулся.

– Я давно уже нарушил обет. Охайра сказала: обет это правило для всех. А те, кто живут по правилам, никогда не станут великими.

Нирон продолжал удивленно хлопать глазами, не зная, как дальше себя вести. Он ожидал, что в любой момент свод пещеры обвалится на Акрона, но боги почему-то медлили.

– Храбрость, – не обращая внимание на смятение брата, продолжал Акрон. – Схватить зайца за лапы и ударить головой об пень, или подстрелить оленя со ста шагов – разве это храбрость? Вот я видел как горная кошка защищала своих котят от волков. Вот то была храбрость. Ее растерзали, а котята забрались на дерево. Я потом кормил их целый год. После собраний старейшин остается много костей. Я должен был их закапывать, а сам носил котяткам. Они были такими красивыми – белыми, как снег, а на боках у них, у одного слева, а у другого справа были черные звезды с длинными такими лучиками. Они выросли огромными, и я даже стал их бояться, но они меня не трогали. А потом стали уходить все дальше и дальше, от того места, где я их кормил. Всегда возвращались, а через год ушли совсем. А потом отец принес шкуру горного кота. Белую, как снег, с черной лучистой звездой у самого края. Ту самую шкуру, которой ты так любишь укрываться. – Акрон задумался, потом подбросил в костер веток, и

добавил: – Ты мой брат Нирон, и ты должен знать: я никогда не буду охотником. Забирай мой лук, мне он не нужен.

Постепенно удивление Нирон сменилось возмущением. Он только не мог понять, за что сердится больше: за то, что брат отказывается становиться мужчиной, за то, что он нарушил обет молчания, или за то что, два дня морочил ему голову. Он загонял для него добычу, томился в засаде, переживал, за каждый промах, а он оказывается просто обманывал его. Все жертвы были ни к чему.

Нирон плохо спал эту ночь. Думал о том, что сказал ему брат. Акрон, которого все считали тихоней и трусом, не испугался пойти против правил.

«Он нарушил обет. За это его покарают духи предков. Если об этом узнает еще кто-то из племени, его ждет страшное наказание. Ему не будут давать есть и пить. Его лишат голоса на совете. Прав у него будет меньше, чем у женщин. Он отступник. И ведь он знал, что делает то, чего делать никак нельзя! Как он переступил через это?! Как ему не страшно? А ведь того, кто не выдал отступника, тоже ждет кара...»

Утром Нирон не стал будить брата, и, прихватив колья, один отправился к волчьим ямам. Прикрыв ловушки ветками и тонким слоем дерна, вернулся в пещеру, но Акрона уже не было. Он отправился искать его, но нашел только к полудню. Акрон был на краю поляны возле горелого сосняка. Вытянув вперед руку, он очень осторожно, будто крадучись, шел к кустам орешника.

На секунду Нирон оцепенел. Он вдруг увидел, как навстречу брату вышел огромный рогатый лось. Акрон сделал еще несколько шагов, дотянулся до массивной челюсти, провел ладонью по морде, потом погладил шею.

С этим лосем что-то было не так, его задние ноги подгибались, и как-то судорожно выравнивались. Он покачивался, и, казалось, вот-вот упадет. Нирон вдруг понял, что лось ранен: его брюхо и грудь были черными от стекшей и спекшейся внизу крови.

«Вот он, наш трофей, – подумал Нирон. – Этот не уйдет: сил не хватит». Он решил подкрасться поближе, но под ногой неожиданно треснула ветка. Лось встрепенулся и испуганно рванул через всю поляну в сторону горелого леса. Он был ранен, слаб и плохо ориентировался. Было видно, как трудно ему бежать, что-то хлюпало и свистело в его груди с каждым вдохом.

Нирон вышел из кустов, которые ему мешали, быстро прицелился, выстрелил и попал лосю в брюхо. Зверь болезненно вскрикнул, но не упал, а напротив, прибавил скорости.

– Не надо! Не делай этого! – вдруг закричал Акрон. – Не убивай его! Он же сам ко мне пришел! Он же мне поверил!

Но Нирон не слушал брата, азарт охоты захватил его. Он выпустил еще одну стрелу, но она прошла мимо. В третий раз Нирон прицелился основательно, глубоко вздохнул и унял дрожь в руках. Перед тем как лось скрылся в горелом лесе, стрела вонзилась ему в горло; из смертельной раны брызнул фонтан крови. Передние ноги у зверя подкосились и он рухнул на землю, ткнувшись в нее тяжелыми раскидистыми рогами.

Акрон первым подбежал к умирающему животному, и упал перед ним на колени. Давясь от слез, он стал гладить его голову. Лось хрипел, изо рта шла пена, а глаза его были такими же влажными и печальными, как у мальчика. Казалось, он тоже плачет.

Нирон подошел и встал рядом, закрывая от них солнце.

– Зачем ты это сделал? Не надо было этого делать. Он ведь сам ко мне пришел, – повторял Акрон, всхлипывая. – Сам пришел... Ему больно, – сочувственно твердил он. Немного придя в себя, взглянул на брата. – Добей его. Закончи то, что начал. Хватит ему мучиться.

Нирон немного помедлил, потом вытащил из за пояса нож, и бросил его к коленям Акрона.

– Сделай это, прошу, – попросил Акрон, но брат отрицательно мотнул головой, и показал на него пальцем.

– Я же сказал: я не охотник, – взмолился Акрон. – Я чувствую их боль. Я не могу убивать. Прошу тебя, сделай это... – Но Нирон был неумолим. Скрестив руки на груди, он сделал два шага назад, давая понять, что не станет выполнять его просьбы.

Акрон взял в руки нож. Взгляд умирающего зверя был полон ужаса и страдания, но мальчик чувствовал: в нем есть что-то еще. В этом взгляде была мольба и одобрение. Сжав челюсти, Акрон поднес лезвие к горлу Лося и...

Он сделал все быстро и правильно, как учили.

Нирон был доволен собой. Он выполнил просьбу отца: руки Акрона обагрились первой кровью. Он даже простил брату обман, показалось, что связь, которая всегда была между ними, но исчезла прошлой ночью, теперь вернулась обратно. Он хотел подбодрить его жестом или улыбкой, но вдруг увидел нечто такое, что кардинально изменило весь его настрой.

Из задней ноги лося выглядывало острие стрелы, и эта стрела была чужой.

– Да, – выдохнул Акрон, заметив перемену в настроении брата. – Я тоже сначала думал, его ранили звери, но это не так. Это сделали такие же охотники, как мы. С того бока еще две стрелы. Обе попали в грудь. Одна рана старая, а вторая совсем свежая. Его ранили, а потом долго преследовали.

Нирон попробовал приподнять ногу лося, чтобы взглянуть на оперение стрелы, которая пробила ее насквозь, но древко было сломано.

– Перья черные, – сказал Акрон, – а у клана «Волчьих клыков» должны быть белые. Эти охотники здесь такие же чужаки, как и мы. Они придут за этим лосем. Они сделают все, чтобы спрятать свои следы.

Нирон поднялся во весь рост и обеспокоенно посмотрел по сторонам.

– Надо уходить, – сказал Акрон, и принялся вытягивать из брюха и горла животного их стрелы. Через секунду Нирон припал на колени напротив брата, взял свой нож, и принялся разрезать шкуру на ногах лося, постепенно переходя к брюху.

– Что ты делаешь? – возмутился Акрон. – Оставь его, нам надо уходить. Они где-то рядом. Они появятся здесь в любой момент.

Но Нирон не собирался отдавать кому-то свою добычу. Он покрутил пальцем в воздухе, показывая брату, чтобы тот смотрел по сторонам.

Они довольно долго находились на открытом пространстве, но к их удаче никто из чужаков не появился.

С помощью лосиной шкуры и двух крепких палок они сделали некоторое подобие носилок, взвалили на них мяса, столько сколько смогли унести, и отправились в обратный путь. Они прошли не больше круга, когда Нирон вдруг вспомнил, что оставил возле разделанной туши свой нож. Он показал брату, что хочет вернуться. Акрон был против, он говорил, что возвращаться опасно, говорил, что они итак оставляют слишком много следов, и чтобы их не догнали, до темноты им надо уйти, как можно дальше, и идти, не останавливаясь всю ночь, чтобы к утру выбраться из чужого леса.

Но все доводы брата Нирон пропустил мимо ушей, и, показав ему, что скоро вернется, отправился к поляне. Он знал, что поступает неправильно, но в том, что Акрон вдруг начал разговаривать, он чувствовал вызов. Не терпелось доказать брату, что и он способен на опасные, смелые поступки.

Перед тем, как выйти на поляну он долго ее осматривал. Ни что не выдавало здесь присутствия чужих. Все так же щебетали птицы, перескакивая с ветки на ветку, копошились в цветах шмели, стрекотали кузнечики.

Нирон не пошел напрямую, а обошел поляну по лесному краю. Лось оставался таким же, каким его и оставили. Падальщики еще не добрались до него, но, как только Нирон приблизился, вверх взметнулся рой жужжащих черных мух.

Нож был воткнут в землю возле рогов. Нирон вытер лезвие о штанину, сунул за пояс, и, пригибаясь к траве, устремился в сторону чащи, но после небольшой перебежки остановился и замер. Что-то не понравилось ему там, с другой стороны поляны, что-то странное мелькнуло в кустах орешника.

Он присмотрелся, и вдруг понял, что его испугало. Из тех же кустов, из которых сегодня появился лось, за ним наблюдал полуобнаженный разукрашенный человек. Его лицо и тело были синими, на щеках и руках желтые полосы, голова наполовину обрита, волосы заплетены в две косы. В руках он держал лук, на поясе болтался колчан со стрелами и топор. Через секунду рядом с ним появился второй. Первый показал на Нирона пальцем.

«Изгой» – с ужасом подумал Нирон, и больше ни секунды не раздумывая, рванул к лесу.

Большим несчастьем было повстречать Изгоя на своем пути. Редкая удача остаться живым после такой встречи.

Нирон никогда не видел Изгоев, но много слышал о них. Кровожадное дикое племя бесстрашных воинов. Раз в пять лет их длинные лодки появляются на горизонте бескрайнего моря; они высаживаются на востоке, у крутых берегов Высоких гор, чтобы охотиться и убивать горцев. Они живут и прячутся в долинах до тех пор, пока молодые воины племени проходят обряд посвящения. Каждый из них должен убить пятерых горцев и съесть их сердца. Изгоев не так много, и как только горные племена узнают о непрошенных гостях, на них объявляют охоту. Но, к несчастью для горцев они раздроблены, и преследование заканчивается, как только Изгой пересекает границу чужого клана.

Судя по грозному одиночному крику преследователя, Нирон понял, что второй не стал гнаться за ним.

«Значит, будет стрелять» – подумал он, мгновенно забрал в сторону, и в ту же секунду прямо перед ним в ствол обгоревшего дерева воткнулась стрела. Нирон прыгнул в кустарник, думал, что сможет быстро выскочить из него, но запутался в ветках и потерял драгоценное время. Изгой побежал ему наперерез. Нирон понял его маневр, наконец смог выбраться из кустов, скатился в овраг, перебежал через ручей, и снова нырнул в заросли.

Изгой больше не кричал, но треск веток и шелест листы выдавали его. Мальчишка затаился, но Изгой отменные следопыты; чужак быстро двигался в его сторону, и Нирону снова пришлось бежать.

Расстояние между ними быстро сокращалось. Нирон петлял, но оторваться не получалось. Изгой предвидел каждый его шаг, как опытный охотник срезал углы, и выгонял свою добычу на открытое пространство горелого леса. Нирон злился и пугался собственной беспомощности. Тот, кто преследовал его, был сильнее, быстрее и хитрее.

Очень скоро мальчик заметил, что его окружают только выгоревшие пни. Лес, а с ним и надежда спрятаться остались позади. Впереди выросла высокая отвесная скала. Забраться на нее вряд ли кому-то под силу, но ничего другого не оставалось, и он полез вверх. Еще теплилась слабая надежда на то, что преследователь свалится вниз раньше, но и она исчезла, как только Нирон почувствовал, что Изгой схватил его за ногу и повис всей своей тяжестью.

Нирон вцепился в уступ, но пальцы начали скользить, еще секунда и он бы не удержался, но вдруг внизу раздался чей-то крик, Изгой ослабил хватку, а потом совсем отпустил. Снова кто-то крикнул, и Нирон узнал голос Акрона.

– Я здесь! Я здесь! – кричал он. – Ну чего встал?! Прыгай сюда! Если не хочешь, чтобы я застрелил тебя в спину, иди ко мне!

Нирон не решительно посмотрел вниз. Изгой был прямо под ним, а еще ниже, на краю леса, стоял Акрон и целился из лука. Какое-то время чужак раздумывал, как быть дальше, но «тот» с луком был далеко, а «этот» безоружный совсем рядом, и он снова попробовал ухватить Нирона за ногу.

– Ах так! – закричал Акрон. – Да ты трус! Ты общипанная синяя ворона! Ты подлая гадюки! Ты червивая душа! Ты!.. Ты даже хуже женщины!

Акрон понял, что Изгой уже выбрал цель, и не отстанет от брата, пока не убьет. Торопливо, почти не целясь, он выпустил стрелу, и вопреки всем ожиданиям смог попасть. Острый наконечник скользнул по синему плечу, и, оставив глубокую царапину, звякнул о камни.

Акрон все же добился своего. Изгой вскрикнул от боли, прорычал что-то грозное, и полез вниз. Горец еще не успел достать второй стрелы, а чужак уже был на равнине, и неся к нему, выбрасывая босыми ступнями дымящуюся золу.

«Нет, я не стану убегать, – решил мальчик. – У меня еще две стрелы, а значит, шансов победить у меня в два раза больше».

Он решил, что не будет торопиться. Прицеливаясь, стал медленно натягивать тетиву, и только, когда почувствовал, что изогнул лук до предела своих возможностей, выстрелил.

Подгадав момент выстрела, Изгой дернулся в сторону и ловко пригнулся. Впрочем, все эти маневры были излишни: стрела прошла так высоко, что даже встань он самому себе на плечи, не смог бы до нее дотянуться.

«Я смогу! У меня получится... – говорил себе Акрон, сжимая пальцами колючие перья и шершавое древко последней стрелы. – Я знаю, что больше не промахнусь. Нас с братом ждет великая судьба. Старые духи избрали нас. Они придадут сил и меткости. Я больше не промахнусь! Никогда».

Лук изогнулся и выпрямился снова на столько, насколько позволяла тетива; стрела со свистом рванулась навстречу изгою, и угрожающе ткнулась в пень в нескольких шагах от него. На этот раз чужак даже не сбавил скорости, только усмехнулся чужому промаху и снова скорчил безумную злобную гримасу.

– Не может быть, – прошептал Акрон, отшвырнул предательский лук в сторону и бросился наутек.

«А что даьше? А что же делать дальше?» – несясь без оглядки, пытался придумать он, но придумывать, кажется, было нечего. Погоня за Нироном слегка утомила изгоя, но он все еще был быстр. Гораздо быстрее, чем хотелось бы мальчишке. Страх придавал Акрону сил, погоня затянулась, но исход ее был очевиден.

Они пересекли малиновые заросли, пробежали сквозь осинник, и промчались мимо поляны окруженной густым сосновым лесом. Сосняк смешивался с дубами и постепенно переходил в дубовую чащу. Место показалось Акрону знакомым, он узнал трухлявый пенек похожий на лошадиную голову, узнал дуб со сквозным дуплом, и согнутую спиралью ель.

«Это то самое место, – промелькнуло у него в голове. – А вот и звериная тропа. Только бы Нирон успел... Только бы сделал, что задумали...»

Акрон резко взял вправо и заставил себя сбавить бег. «Надо чтобы бежал за мной след вслед, иначе не получится. Иначе он меня убьет...»

Скоро он заметил на еловых стволах «молнии» – особые засечки, предупреждающие охотников об опасности. Акрон понял: вот он его шанс. Нирон все-таки приходил сюда утром и закончил то, что они начали вечером.

Как ни было страшно, но Акрон заставил себя бежать еще медленней, и припустил только, когда до изгоя осталось не больше десяти шагов. И все же с расстоянием он не рассчитал: в какой-то момент изгой смог дотянуться до его спины и вырвать из накидки клочок шерсти.

Из последних сил Акрон оттолкнулся от земли, перепрыгнул невидимый барьер, и резко остановился. Позади вдруг раздался треск сучьев и страшный оглушающий крик. По всему телу прошла ледяная волна.

Он долго не решался повернуться, просто стоял и слушал, и не мог поверить, что это хитрое злое существо попало. Еще секунду назад, он готов было рвать его плоть зубами, а теперь корчился от боли и выл от страха на дне волчьей ямы.

Набравшись смелости, Акрон взглянул вниз. Изгой еще дышал и смотрел прямо на него. Острые окрашенные кровью колья торчали из живота и ноги. Он уже не опасен, но находиться рядом все еще было страшно, и чтоб прийти в себя Акрон отошел подальше и сел на траву.

Скоро на тропу выбежал Нирон. Увидев брата, остановился и облегченно выдохнул. Отлегло. Он и не мог представить, что способен на такие переживания. Все это время он бежал за ними, почти не отставая. По какой-то необъяснимой причине в минуту опасности жизнь брата для него стала важнее собственной.

Из ямы донесся очередной стон. Привлеченный им, Нирон подошел к краю, и долго, с нескрываемым злорадством рассматривал попавшуюся им сегодня добычу.

– Аллиурр... – прорычал изгой что-то грозное на своем.

Нирон оскалился, достал из-за пояса нож, обошел яму с другой стороны и прыгнул вниз. Акрон заткнул уши, но все равно слышал, как Изгой вскрикнул, забулькал и, наконец, затих.

Когда Нирон вылез обратно, на его поясе болтался скальп, отливающий синим на том месте, которое когда-то было затылком. Акрон поморщился, его чуть не стошнило, когда представил, как же теперь выглядит голова лишенная кожи.

– Нам пора, – сказал Нирон. – Он был не один. Нас будут искать.

Акрон раскрыл рот от удивления. Он скорее готов был услышать радостное пение ожившего изгоя, чем голос собственного брата.

– А как же твой обет? – с сомнением спросил он.

– Гореть в огненном пламени мы будем вместе, – ответил брат. – У нас одна судьба на двоих. Я это понял. И грехи наши тоже общие. Какая-то там Охайра сделала тебя отступником. – Он осуждающе покачал головой. – Что ж, если это твой выбор...

Издали со стороны поляны раздался клич. Встревоженные вороны сорвались с деревьев и заполонили собой небо.

– Вот и они, – сказал Нирон. – Скоро будут здесь. Мы еще отдохнем, потом. А сейчас надо бежать. Когда они берут след, уйти от них трудно.

– А твой лось – оставишь им свою добычу?

– У нас есть кое что лучше, чем лось, – сказал Нирон, взялся за чужие волосы и потряс скальп, свисающий с них, как паук с паутины.

Весь вечер, а затем и ночь бежали, не останавливаясь. К утру лес закончился, они снова вышли к подножью Высоких гор, и полезли вверх. Достигнув первой вершины, наконец, сделали привал.

Далеко внизу показалось несколько темных силуэтов. Преследователи остановились на краю леса, но дальше подниматься не стали. В горах изгой чувствовал себя не уверенно – их стихия леса и реки. Покружив еще немного в поисках следов, они снова скрылись за деревьями, и больше уже не появлялись.

Братья наблюдали за ними, лежа на пологом уступе, рискуя скатиться. Когда последний чужак скрылся в лесу, отползли от опасного края, перевернулись на спины, и только теперь вздохнули спокойно.

Нирон глотнул слюну пересохшим ртом.

– Если и в самом деле мы когда-нибудь объединим кланы, мы устроим на них такую охоту, какую они никогда не забудут. Никто не уйдет отсюда живым.

– Найя говорит, что Сыны старых духов лгуны, и пророчество лживо, – сказал Акрон. – Старший из Сынов хотел убить нас, потому что она из клана Ледяных, а ледяные украли его жену. Он передумал убивать нас только потому, что ему нужна была защита нашего отца. Задолго до совета Хелкат спустился в пещеру и объявил Сынам, что хочет заменить их новыми Сынами, потому что старые стали слишком слабы, и не могут больше отталкивать несчастья и

притягивать удачу. Но старые Сыны поступили хитро – они подвели нас под топоры, а потом сами же и спасли. Отец за это не дал Хелкату их заменить. Так говорит Найя.

– Нас ждет великое будущее, – возразил Нирон. – Наша мать женщина. Что может знать женщина?

– А я знаю одну очень мудрую женщину, – сказал Акрон. – Ее зовут Охайра. – От упоминания этого имени Нирон насторожился, но брат не придавал этому значения, и продолжал: – Она очень старая, и давно ослепла, но когда она была молодой, то много чего видела и много запомнила. Она рассказывала, как «Горячие ветра» воевали с кланом «Не знающих страха», рассказывала, как «Горячие» объединились с «Живущими вечно», а потом их вожди из-за мелкой ссоры убили друг друга.

– Значит, она из клана Горячих ветров, – произнес Нирон.

– Да, – согласился Акрон.

– А ты знаешь, что они наши самые заклятые враги?

– Они были нашими врагами, но теперь их клана нет. Значит, и вражде конец. И почему она должна быть мне врагом, если ничего плохого она мне не сделала? Охайра рассказывала, из-за чего они стали враждовать с «Орлиными когтями». Мы ведь тоже когда-то были друзьями, вместе охотились в Туманных лесах и не пускали туда чужих. А когда нас прогнали наверх, еды стало мало, мы рассорились и стали врагами. И так было полвека, пока «Орлиные когти» ни объединились с двумя верхними кланами и ни перебили всех «Горячих». Не многие выжившие разбежались по горам.

– Мы победили, – с гордостью произнес Нирон.

– Да, племени «Горячих ветров» не стало, – с жалостью в голосе, сказал Акрон, – и никому не было дела до одинокой слепой старухи. Она поселилась в ущелье возле Стоячей реки. У нее есть старая сеть, которую она ставит по вечерам и проверяет каждое утро. Сеть сгнила и совсем изорвалась. Я помогаю Охайре стягивать дыры. Иначе, она давно бы умерла с голоду.

Когда я увидел ее в первый раз, она сидела на большом камне над водой, и что-то рассказывала своему отражению. Я подкрался и стал подслушивать. Она рассказывала сказку про девочку, которая упала со скалы, скатилась в яму, сломала себе спину и не смогла встать. Девочка лежала там целую неделю. Она помогла выбраться зайцу, волченку, и даже смогла вытолкать оленя, которые тоже оказались в этой яме. Они должны были позвать людей, чтобы спасли ее, но как только звери оказывались на свободе, то бежали кто куда и забывали про девочку. Девочка надеялась и плакала и разговаривала с луной, но все-таки умерла. Это была очень грустная сказка. Она про то, что если ты попал в большую беду, то не жди помощи от тех, у кого все хорошо.

Я заплакал, и Охайра поняла, что я рядом. Я стал приходить каждый день, и слушал сказки, которые она рассказывает своему отражению. Она знала, что я подслушиваю, но никогда не обращалась ко мне. Это были старые сказки, которые ничего не обещали, а только мерили со смертью. Все они заканчивались плохо, потому что конец жизни горца полон печали и страданий.

А потом она стала обращаться ко мне, но я не отвечал, и она поняла, что я мальчик, и что я не могу говорить, и стала рассказывать мне истории про великих воинов. Их было множество. Сначала я пытался запомнить имена, но быстро запутался. Они рождались, звали на войну, убивали и умирали сами. Это была бесконечная война кланов. И у каждого народа был свой герой. И все их геройства заканчивались всего лишь собственной смертью. Кроме войны эти люди ничего не принесли своим народам. Одни кланы сгоняли с насиженных мест другие, пока и их кто-нибудь не прогонял.

Тогда я подумал: «И все-таки мы с братом положим этому конец, мы завоюем и подчиним все кланы «Орлиным когтям», и эта бессмысленная война закончится!»

Охайра мне ответила, и я понял, что сказал это вслух. Да, – вспоминая, произнес Акрон, – тогда я и нарушил свой обет. Потом мы с ней много разговаривали...

– А что она ответила тебе тогда? – спросил Ниرون. – Тогда, в первый раз, что сказала?..

– Тогда ничего не сказала, – задумчиво ответил Акрон. – Она спросила. Усмехнулась и спросила: «И как это у вас получится подчинить все кланы одному? Неужели ты не понял, что зло рождает только зло?!»

– Все с ней понятно, – сказал Ниرون. – Еще одна женщина раскрыла свой рот, а сказать-то и нечего.

– Однажды сказала мне, что я добрый, но я бы удивился, если бы узнал, сколько зла было сделано такими как я. «Всякое зло когда-то было маленьким добрым мальчиком, – говорила она. – Люди говорили о добре, которое ждет всех впереди. И чтобы оно пришло, брали в руки топоры, и раскалывали ими черепа других людей. Много черепов... Много мертвых...» Смерть приходила всегда и быстро, а добра она так и не увидела. «Когда о добре говорят слишком много, мне становится страшно» – говорила она.

– Выжившая из ума старуха, – сказал на это Ниرون. Он поднялся на ноги. – Пойдем брат. Мне не терпится показать отцу скаल्प изгоя, которого я убил. Жалко только, что в этот раз всего один попался. Ничего, вернемся сюда через год и убью пятерых.

Когда братья пришли в лагерь, ни отца, ни других охотников в нем уже не было. Дети нагнали их только через несколько дней, когда до дома оставались считанные круги, и вдалеке уже дымили костры и темнели очертания первых шалашей.

Глава 3

Первые дни в селении только и говорили, что о Нироне, о его брате и об изгоях. Мужчины поздравляли Краогора с удачей старшего сына, сверстники восхищались Ниროном, молодые охотники завидовали ему, а Сыны снова заговорили о великом предназначении.

Ниرون был на виду, а Акрон как-то незаметно ушел в тень. После возвращения он стал избегать людей, и в первую очередь собственного брата. Соплеменники догадывались в чем причина. Всему виной была зависть. Ведь Ниرون не только убил изгоя, но и показал место возле Стоячей реки, где пряталась слепая старуха из враждебного клана Горячих ветров. Сыны старых духов сказали, что ведьма хотела отравить воду, и насылала на женщин племени мстительное проклятье, чтобы они больше не могли рожать. Старуху притащили на Склон гнева, и забрасали камнями. Ее сбросили со скалы, но она зацепилась за выступ и провисела там несколько дней. Кто-то из женщин видел, как Акрону все-таки удалось столкнуть ее тело. Говорили, что он спустился к ней в ущелье и заложил ее тело камнями. Никто так и не понял, зачем он это сделал. А сам Акрон не стал рассказывать, что так с маленькой девочкой, которая упала со скалы, и которую потом обманули звери, поступили боги, перед тем как забрать ее в свой большой солнечный шалаш.

В тот год зима рано пришла в Высокие горы. За одну ночь склоны усыпало снегом. Половину шалашей накрыло с верхом. Первые, кому удалось выбраться из снежного плена, помогали раскапываться остальным. А уже на следующий день склоны снова стояли голыми; пронизывающий северный ветер сметал снег в ямы и ущелья.

Стоячая река покрылась льдом. По льду и пришли «вещие» из нижних кланов. Их сопровождали воины пяти горных племен, главными из которых были «Острые камни».

«Вещие» вышли не так давно, и в «жертвенной связке» было всего две пары близнецов – две девочки, и двое юношей. Через месяц, когда они дойдут до Жертвенного вулкана, таких пар должно набраться больше десятка.

Такие рейды случались раз в двадцать лет. После страшных землетрясений, во время эпидемий, или затянувшихся голодных зим «вещие» обходили высокогорные кланы, и собирали не достигших половой зрелости близнецов, чтобы отдать их в жертву разгневанным духам смерти.

Хелкат собрал совет. При свете Великого огня, «вещие» поведали старейшинам племени о страшной болезни, которая пришла с юга, и поражает все, что попадает на пути: людей, животных, и даже птиц. «Ничто не может остановить ее, – говорил Горм – «вещий» избранный говорить от имени всех горных народов. – Болезнь нападает внезапно и за день иссушает тебя изнутри. Тело сначала сохнет, а потом набухает и гниет. Вожди двенадцати кланов с четырех сторон собрались вместе и приняли решение отдать духам близнецов. Пять групп, и мы в том числе, уже отправились на север, столько же ушли на Запад и на Восток. Мы должны обойти все высокогорные племена. Духи смерти требуют свое. Всех тех, кто родились не в свой черед и прячутся за одинаковыми лицами. Духи ненасытны, и совсем не оставляют нам времени».

– Мы отдадим вам дочерей Агорна, – сказал Хелкат. – Агорн – смельчак, сорвался со скалы пять лет назад, а через полгода его жена разродилась двойней. Забирайте их, духи останутся довольными. Но одна из девочек совсем слаба, и может не дойти до вулкана. Вам надо, чтобы добрались обе, и если одна умрет в дороге, вторую вы оставите в горах околевать на морозе. Агорн был мужественным воином, и племя многим обязано ему. Пообещайте, что если одна из его дочерей умрет, то вторую вы не бросите, а приведете обратно.

– Всего одна пара? – удивился Горм. – Мы шли к вам десять дней, и вы дадите нам только одну пару?

– Мы отдаем все, что у нас есть.

– Раньше вы давали не меньше четырех пар. Мы рассчитывали на вас.

– Что я могу сделать? – развел руками Хелкат. – Их было больше. Но в прошлом году шестеро сестер стали женщинами, а четверо братьев прошли обряд посвящения в мужчины.

Горм был недоволен, он долго с недоверием разглядывал Хелката и старейшин сидевших по правую и левую руку от него.

– Эту ночь мы проведем у вас, а с рассветом двинемся дальше, – сказал он. – Наше дело – общее дело. Оно касается всех горцев. Вождь «Орлиных когтей» – мудрый вождь. Он не станет прятать от духов смерти то, что принадлежит им по праву. Ведь он не хочет, чтобы за днями теплого света, пришла ночь холодных топоров. Живущие под солнцем сыны гор не знают злобы и доверяют братьям. Но если брат, которому верили обманул и предал – пощады ему не будет.

– Горм, который говорит от имени двенадцати – ты угрожаешь мне? – спросил Хелкат. – Увидишь орла в небе, и повтори ему то, что сказал мне. Посмотри, испугается ли он! Если испугается, приходи снова, и мы сделаем тебя своим вождем. Приводи женщин из своего клана и посади их с нами у Великого огня. Я буду заплетать косы твоим дочерям, а старейшины будут спрашивать у них, когда нам воевать и охотиться.

Старейшины рассмеялись от этих слов. Посмеялся и Горм.

– Я не угрожаю великий вождь – всего лишь предостерегаю. «Орлиные когти» благородное племя. Доблестные и честные, как и все горцы. Я желаю вам добра. Никому из нас не нужно подбирать чужую смерть. Если бы не близнецы, то все умирали бы только в свой черед. Мы бы не знали случайных смертей. Но когда близнецов слишком много, не в свой черед погибают целые племена.

– Дело ваше – нужное дело, – сказал Хелкат, – и мы рады помочь. Просите чего хотите. Но не просите того, чего у нас нет.

Горм, а с ним и другие «вещие» коснулись правой рукой своего левого плеча, что являлось жестом дружеского прощания. Вождь и старейшины ответили тем же; гостей отвели к их шалашам.

Рано утром Хелката разбудил детский плач. Когда вождь отодвинул медвежью шкуру закрывающую вход, то увидел собравшихся возле его шалаша воинов. Судя по покрасневшим на морозе лицам, стояли здесь давно, но ждали, когда проснется вождь. Скоро к нему подвели охотника по имени Эгор, прозванного свирепым, и его сына Геллу – заплаканного, дрожащего от страха.

Отец и сын встали перед вождем на колени. Эгор неуверенно поднял голову, и, неприятно скалясь, прошептал:

– Они знают вождь. Мой сын рассказал им.

– Кто и что знает? – не понял Хелкат. – С кем и о чем говорил твой сын?

– «Вещие» говорили с ним вчера ночью. Вчера ему исполнилось десять лет. Вечером закончился его обет, и он отправился к Сынам, как требует обычай. Первую ночь он должен выговориться, рассказать о чем молчал – таков закон. Вождь, он не виноват. Первую ночь он должен говорить только правду. Он не мог лгать.

– Что именно он сказал?

– Он шел от Сынов. Он уже был у шалаша, когда «вещие» подошли к нему. Они ждали его, вождь. Кто-то их предупредил.

– Что он им рассказал? – сквозь зубы, с силой сжимая челюсти, прошипел Хелкат.

– Он не виноват. Таков закон... Он поступил, как учили... Они спросили, и он ответил...

– Ответил что?

– Он рассказал им про детей Краогора, – безнадежно выдохнул Эгор. – Рассказал, что мы прячем их в пещерах у Медвежьей горы. Даже если мы теперь отдадим их, кланы заставят нас расплатиться за лож. Нам нельзя отпустить «вещих» вождь.

Нависла долгая тяжелая пауза. Раздумывая, Хелкат смотрел куда-то в сторону. Потом стал рассматривать окружавших его воинов. Под меховыми шубами выглядывала прошитая слоями дубленая кожа, на поясах висели отточенные боевые топоры, и трофейные мечи из Бескрайней долины. Племя все уже решило, но последнее слово было за вождем.

– Они еще спят? – спросил он.

– Горм проснулся. Он пошел к проруби на Стоячей реке, – сказал кто-то из воинов. – Спрашивал, как к ней можно быстрее спуститься? Я спросил, зачем ему. Он сказал, что будет купаться. Он безумен. Может, околет – нам забот меньше.

– Остальные? – спросил вождь.

– Остальные спят.

Хелкат отдернул медвежью шкуру, поднял лежащий у входа топор и небольшой круглый деревянный щит. Больше не раздумывая ни секунды, никого не дожидаясь, быстрым шагом направился исполнять молчаливый приговор племени. Постепенно быстрый шаг перешел на бег. Два десятка воинов бесшумными призраками неслись за ним с топорами наперевес.

– Сделаем все быстро, – не громко обронил Хелкат. – Эгор и еще пятеро с ним бегите к реке. Не упустите Горма.

– Что делать с жертвенными близнецами? – спросил кто-то позади него. – Их четверо, их шалаш последний. Нельзя их убивать самим вождь. Их жизни принадлежат духам вулкана.

– Убейте всех, – холодно приказал Хелкат.

Встречный ветер скрыл их приближение. На горизонте поднималось зарево, окрашивая кровью белые снежные вершины. Свет разливался по склонам, освещая фигуры бегущих горцев, их сосредоточенные холодные лица. Казалось, сама вселенная предупреждала людей о страшных последствиях их выбора, но решение принято, топоры занесены, и пути назад нет.

Горм и в самом деле купался в проруби, когда услышал крики, доносящиеся со стороны селения. Ветер переменялся и звуки исчезли. Горм, все еще надеялся, что ему послышалось, но обостренное чувство опасности, которое не редко беспокоило попусту, на этот раз сыграло на руку. Ткнув кулаками в край льдины, он быстро вылез из проруби, и огляделся. Напряг слух, и сразу понял, что к нему бегут с двух сторон: со стороны селения, и по низине балки, выходящей на реку. Горм еще никого не видел, но уже знал, что их много, и намерения у них отнюдь не мирные.

Холодный ветер обжог кожу. «Вещий» побежал к дереву у которого оставил оружие и одежду, но из-за холма вдруг показались люди, и пришлось забыть о теплой спасительной шубе и верном топоре. Застигнутый врасплох, совершенно раздетый, он помчался вниз по реке, скользя по льду босыми ногами, и оставляя на нем черные смазанные следы. Началась долгая изматывающая погоня.

Горма преследовали до самого вечера. Беглец совсем не чувствовал ног, руки сгибались с трудом, тело дрожало, а зубы стучали так, что казалось, разобьются, как сосульки об камень. Такого холода Горм не испытывал ни до ни после. Иногда падал, и думал, что уже не сможет подняться, но выносливость и упорство спасли ему жизнь. Снова и снова он находил в себе силы, чтоб встать на ноги. Он ждал, он надеялся на удачу, и удача пришла.

Один из преследователей, юный Улагор – младший внук Хелката, слишком увлекся погоней, и оторвался от своих опытных и сильных соплеменников. Пользуясь моментом, Горм подпустил его к себе, выхватил топор и убил юношу. Одежда Улагора была маловата, но сейчас Горму казалось, он мог бы натянуть на себя раковину улитки, если бы только попалась ему под руку.

Солнце пересекло небо, и снова скрылось за вершинами гор. Ночь спрятала следы беглеца. «Орлиные когти» упустили Горма, а с ним исчезла и надежда на то, что бойня учиненная

этим утром останется в тайне. Воины отправились в обратный путь. Впереди их ждала еще одна долгая утомительная ночь, и последняя короткая война.

Через неделю от болезни, о которой говорили «вещие», близ селения и в местах охоты «Орлиных когтей» стали погибать животные и птицы. Рыба поднималась со дна и переворачивалась брюхом ко льду. Те немногие, кто продолжили пить воду из Стоячей реки, заболели и умерли. Горцы стали пить из горных ручьев, пока еще это было безопасно. Но были и те, кто предпочли бы умереть прямо сейчас – уснуть и больше не просыпаться. Будущее пугало.

«Вещие», близнецы и воины, которые охраняли их, были представителями семи разных кланов. Весть о содеянном «Орлиными когтями» возмутила племена всех пяти горных вершин.

Через две недели лучшие воины десяти доселе непримиримых кланов собрались вместе, чтобы наказать племя, поправшее единый для всех закон. Их было втрое больше, чем «Орлиных когтей», и это всего лишь десятая часть тех, кто желал принять участие в битве. Не каждый удостоился чести наказать преступников.

И хоть все они говорили о благородной мести, но мысли их были заняты дележом будущей добычи. Этот вопрос так волновал, что перед тем как выставить племени ультиматум, получить отказ и напасть на него, они встали лагерем в нескольких кругах вниз по течению Стоячей реки, и задумались о том, как ни рассориться после боя.

Добыча и в самом деле ожидалась впечатляюще огромной. «Орлиный когти» одно из самых многочисленных племен. Полвека они отбивали почти все вражеские набеги и успели накопить немало оружия и драгоценностей. Стены своих шалашей они подбивали соболиными шкурами, а статуэтки старых духов отливали из золота. Каждый мужчина племени имел жену, и всегда мог взять себе наложницу, одну из тех общих рабынь, которые жили вместе в отдельных шалашах. Рабынями делали только женщин из Бескрайней долины. Их одевали и кормили лучше, чем жен, но детей от них убивали, потому что они ничейные и кровь их не чиста.

Горм лично передал ультиматум вождю «Орлиных когтей». Они встретились с Хелкатом на нейтральной территории, возле той самой проруби, где две недели назад Горм чуть не расстался с жизнью.

Для начала он потребовал голову самого вождя и половины старейшин племени. Потребовал, чтобы племя передало им половину своих женщин, причем тех, на которых они укажут сами. Потребовал сложить все драгоценности и шкуры в одну кучу, при них разделить надвое и отдать половину. Потребовал, чтобы племя оставило эти земли, и полмесяца шло вверх на Север. Последним он потребовал отдать им сестер и братьев близнецов. Дав на раздумье полдня и полночи, Горм вернулся к своим.

Свой ответ «Орлиные когти» дали той же ночью. Как только солнце скрылось за горами, они напали на лагерь объединенных племен. Даже Горм, который всякого повидал от горцев, не ожидал подобной дерзости. Хелкат мог начать торговаться, или попробовать увести племя выше в горы, но напасть на столь грозного противника было решением слишком неожиданным и имело непредсказуемые последствия для обеих сторон. «Орлиные когти» древний клан, переживший многих, именно потому, что никогда раньше не поступал столь рискованно.

Эта вылазка неожиданна еще и тем, что в ней, казалось, нет никакого смысла, ведь вслед за Гормом придут другие, их будет больше, и они будут беспощадней.

Но Хелкат видел смысл. Его поступок – послание всем кланам: «Эта война обойдется им дорого. Он пойдет до конца. Племя отказывается от любых переговоров, и будет драться до последнего мужчины».

Внезапность сыграла свою роль. За одну ночь союзники потеряли половину своих людей. «Когти» напали с трех сторон, не давая им опомниться, и объединиться под одним командованием. Обе стороны дрались с небывалым отчаянием и жестокостью. Но удача в эту ночь сопутствовала смелым. «Когти» потеряли не больше дюжины бойцов. От их мечей и топоров пало не меньше двухсот воинов со стороны союзников. До самого утра победители преследовали разрозненные, спасающиеся бегством отряды.

В прежние годы такую победу отмечали бы несколько недель, но ни в это утро, ни в последующие дни никто не танцевал и не пел, и «Сыны» не били в свои звонкие черные бубны. «Когти» знали – судьба племени на волоске; последний бой уже близко.

Через две недели в племени начался голод. Мужчины, которые уходили на охоту, уже не возвращались. На всех тропах были засады. Союзники подтягивали силы, окружая клан со всех сторон.

День, которого все так ждали и боялись, все же пришел. Впервые за многие недели пропал ветер, воздух стал теплым и влажным; с неба полетели хлопья снега, скрывая туманной пеленой горные хребты и вершины. Из воздуха, из ослепительной белой дымки прояснились очертания человеческих фигур. Они спускались по склонам с Севера, поднимались на холм с Востока, черной волной двигались по руслу замерзшей реки с Запада.

В какой-то момент все замерло, горы затаили дыхание, от мертвящей тишины зазвенело в ушах, а потом раздался первый крик, а за ним второй, третий, и вот уже все зашумело и задвигалось: звуки, люди, небо, снег и кровь смешались в кучу и кубарем понеслись в бездну, к самому краю света.

Их было тысяча, а может и больше, и все же они отступили. Отступили, оставив большую часть своих людей убитыми и смертельно ранеными. Отступили, потому что не хватило ни сил, ни воли. Отступили, чтобы залезть раны, собраться с силами и следующим утром закончить начатое.

От клана «Орлиных когтей» осталось не больше четверти. Почти все мужчины погибли. Пал Хелкат и оба его сыновей, убили Эгора, его брата и отца, погибли старейшины, и Сыны старых духов. Уцелевших можно было сосчитать на пальцах одной руки. Краогор, как и многие другие был серьезно ранен.

Снег валил все гуще. Под его покровом, дождавшись ночи, остатки племени, перешли горный хребет, и отправились на Север, в надежде затеряться среди скал и бесчисленных ущелий Высоких гор. На наспех сколоченных санях женщины тащили по снегу своих мужей и детей, свои разобранные дома и шкуры – единственное, что обладало сейчас реальной ценностью.

Поднявшийся ветер морозил до костей, но сейчас он был нужен; ветер медленно заметал следы, скрывая направление их поспешного бегства.

Старые духи не оставили племя – союзники потеряли их. Одной проблемой стало меньше, но все чаще напоминал о себе голод, снежные сугробы становились все выше, и все труднее было идти.

Через три дня племя встало на большой привал. Пора было отдохнуть, дожидаться оставших, и определиться с дальнейшим маршрутом.

На привале выбрали новый совет племени и нового вождя – молодого Тагорма – старшего из внуков Хелката. Единственного из рода вождя, кто остался в живых.

Наиболее здоровых мужчин Тагорм отправил на Восток, туда, где можно встретить племена скотоводов, или «шкурников» – охотников одиночек из высокогорных племен, которые занимались зимними запасами для своих кланов. Надо было срочно раздобыть еды: выменять ее на золото или отнять силой.

– Остальные пойдут дальше на север, – объявил молодой вождь. – Мы дойдем до Жертвенного вулкана, и выполним то, что требовали от нас духи смерти. Мы предадим близнецов расплавленной земле. Духи покарали нас за гордыню. Нирон и Акрон должны были возвеличить нас над другими кланами, а вместо этого стали проклятием племени. Мы согнаны с собственной земли. Когда-то мы дрались в небе с орлами, а благодаря им, упали на землю и прячемся от диких собак.

Сыны старых духов ошиблись. Мой прадед ошибся. Все те, кого сегодня с нами нет – ошиблись. Но мы остались, и мы исправим эту ошибку. Нам надо примериться с кланами. Мы не можем ставить на одни весы жизнь двух мальчишек и судьбу целого народа. Мы обещали защищать их, хотели идти до конца, но мы не были готовы к такой цене. Нам надо примериться с кланами, – повторил он. – И в первую очередь с «Острыми камнями» – они пострадали больше всех. Половину спрятанного в пещерах золота мы отдадим им.

Краогор был ранен; он лежал в горячке в наспех собранном продуваемом ветре шалаше, и не мог заступиться за сыновей.

Кто-то из старых воинов все же попытался спорить с молодым вождем.

– Решение было принято советом, – сказал он. – Даже твой дед не мог его отменить, и отдал свою жизнь, чтобы исполнить волю старейшин. Мы найдем союзников и вернемся. Сыновья Краогора объединят кланы. Так обещали Сыны старых духов.

– Никого они не объединят, – холодно ответил Тагорм. – Их судьба сгореть в Жертвенном вулкане, а моя спасти то, что осталось от племени.

Тем же вечером двое молодых воинов из нового совета сообщили о решении вождя Краогору и его жене. Братьям запретили отходить далеко от мест стоянок племени. Два раза в день им и близняшкам Агорна надо было проходить мимо шалаша вождя. Тагорм хотел быть уверен, что никто из них не убежит.

Лежа в своем шалаше, Краогор молча выслушал приказ молодого вождя и, соглашаясь с ним, моргнул болезненными мутными глазами. Новый вождь мог отменять решения старого. Законы племени позволяли это и после оглашения, никто из членов сообщества не имел права их оспаривать.

Как и муж жена не проронила ни слова, лицо Найи оставалось холодным и беспристрастным, но, как только советники ушли, глаза девушки вспыхнули, а губы растянулись в странной жестокой усмешке.

– Какой ты мужчина? – прошипела она. – Какой-то мальчишка, который еще и копье в руках держать не научился, хочет убить твоих детей, а ты лежишь, как выпотрошенная рыба на берегу, надеясь поскорее бы вздохнуть.

– Женщина, – сквозь зубы прорычал Краогор, засунул руку в угли почти погасшего костра, и медленным, слабым движением бросил несколько из них ей в лицо.

Найя успела увернуться, она отодвинулась подальше от огня и от мужа, ткнулась спиной в одну из палок, служащих остовом шалаша.

– Они должны уйти сегодня, – требовательно произнесла она. – Им надо бежать прямо сейчас. Куда угодно – на Восток к Бескрайнему морю, на Юго-запад – к Бескрайней долине, на Юг, еще куда-нибудь, но только ни здесь... Здесь им оставаться нельзя. Твои сородичи убьют их...

– Они останутся здесь, женщина, – слабым голосом произнес Краогор. – Племя решило бросить их в Жертвенный вулкан, значит так тому и быть. Не тебе женщина отменять решения совета. Я не желаю слушать тебя больше. Замолчи, или я позову старую Илду, и она заштопает твой рот своей большой иглой.

– Тебя не услышат, – тихо сказала она. – Орлиные когти племя трусов и предателей. Вы напали на «ледяных» когда мужчины были на охоте. Вы поступали так всегда. Вы не деретесь

честно, вы презираете друг друга, вы не уважаете отцов и попираете собственных богов. Я ненавижу вас. Глупые трусливые псы. Вы говорили о великом будущем, и обещали защищать моих детей, а теперь ни величие, ни обещания вам не нужны. Вы просто пытаетесь спасти свои бесполезные жизни. Вы нашли самого ничтожного из мужчин и сделали его своим вождем. Вам стыдно вымалывать прощение у «Острых камней», но этот юнец Тагорм прикажет, и у вас не останется выбора, и вы сможете вылизывать им ноги, не теряя достоинства.

– Тагорм думает только об интересах племени, женщина. Он прав, а ты... – Краогорм с трудом поднялся на локтях. – Ты всегда была нашим врагом... всегда презирала нас... Когда ко мне вернутся силы я убью тебя.

– Хорошо, – согласилась Найя. – Убей меня, но детей ты отпустишь. Ни ты, ни ваши трусливые старейшины, ни их пустоголовые жены, никто из вас не стоит моих детей.

– Мои сыновья останутся, – прохрипел Краогорм. Шубы Нирона и Акрона лежали рядом у его ног. С большим трудом он смог согнуться, дотянулся до них, и подтянул к себе. Дети, которые укрывались ими, поежились от холода, но не проснулись. Найя потянулась за откинутым рукавом, но муж подобрал шубы еще ближе.

– Ну давай попробуй, – прохрипел он. – Наклонись еще, и я сверну тебе шею.

Они как-то одновременно посмотрели на боевой топор, который по обычаю вместе со щитом лежал у входа в шалаш. Краогорм протянул руку, но Найя опередила его, вытягиваясь стрелой, схватила гладкую рукоять, и угрожающе тряся топором перед собой, отползла на прежнее место.

– Знаешь, что с тобой сделают, когда узнают, – предупредил Краогорм.

– Они узнают только завтра вечером, – задумчиво сказала она. – Я скажу, что тебе стало хуже, и все утро ты будешь давать сыновьям последние наставления. Я выиграю для них время. Когда Тагорм догадается обо всем, они будут уже далеко.

Краогорм не мог поверить в то, что слышит. Впервые в жизни он испугался этой хрупкой, презренной, ни раз униженной им женщины. Он отвел глаза в сторону, потому что не смог выдержать ее пристального испепеляющего взгляда. Упираясь руками в землю, попробовал подняться, но силы оставили его. «А ведь убьет, – промелькнуло у него в голове. – Ведь не испугается. Решится?..»

Ни уверенности, ни злости больше не было, только паника и ужас охватили воспаленное сознание. И тогда, набрав полную грудь воздуха, Краогорм закричал. Он стал звать на помощь Тагорма, Этгора, Сайруса и многих других; звал даже тех, кого уже не было в живых. Звал пока ни охрип. Но ни живые, ни мертвые не пришли к нему. Завывание ветра на улице заглушало его крики. Он не знал, что их шалаш Найя поставила особняком от других. Она предвидела такой исход.

Когда Акрон открыл глаза, в лицо брызнула кровь. Он думал, что все еще спит, поэтому испугался не сразу. Перед глазами мелькало лезвие топора; неяркий свет костра выхватывал сосредоточенное лицо матери, что-то брызгало в огонь, угли шипели, и ее профиль стал исчезать в темноте.

Скоро стало совсем темно и тихо. Акрон замер в ожидании, и через какое-то время мать взяла его за руку. Они сидели так долго. Просто сидели и молчали, слушая, как завывает ветер. Потом Найя бросила в огонь веток, и очень медленно, нехотя, пламя начало разгораться.

Акрон посмотрел в сторону и увидел испуганное лицо брата. Только теперь ему стало по-настоящему страшно. Нирон смотрел в темноту. Там, под своей тяжелой оленьей шубой лежал отец. Он был укрыт с головой; из под серой шкуры выглядывали ноги, обутые в теплые меховые сапоги.

Акрон вдруг понял, что отец мертв. И хоть видел все собственными глазами, все еще не мог поверить, что его убила мать.

Найя подобралась к Краогору, и выдернула что-то из его руки.

– Одевайтесь, вам пора, – сказала она, и положила перед детьми их шубы. – Идите на Юг, – добавила она, потом поправилась: – Нет, идите на Север. На Юге они будут искать вас в первую очередь. Но на Севере будет еще холоднее, и вам там совсем нечего будет есть. Мне нечего вам дать, – говорила она, разминая руками бледный лоб и уставшие глаза. – Совсем нечего дать... Идите на Восток... Нет, на Востоке будет еще хуже. Вы «Орлиные когти» – там вам все враги. Идите на Север... Нет, лучше на Юг... Идите куда-нибудь, только очень быстро. Только не останавливайтесь... И помните, у вас больше нет племени. Теперь вы сами по себе. Опасайтесь «Когтей»... «Когти» отдадут вас вулкану... «Когти» – первые ваши враги...

Найя стала их одевать. Братья сонно протирали глаза, не до конца еще осознавая, чего от них хочет мать, куда идти, и когда они смогут вернуться. Они не торопились ей помочь: отрешенно стояли посреди шалаша, поднимая руки, чтобы она могла просунуть их в рукава шубы. Она сама поплотнее затянула ремни на их поясах, чтобы под шубу не проникал холод, и затянула завязки на сапогах; одев на головы шапки и рукавицы на руки, вывела, почти вытолкала детей на улицу.

Наспех она прижала каждого к себе, потом развернула и подтолкнула в спины. Пройдя несколько шагов, дети остановились, и повернулись обратно.

– Идите же, ну, – прошептала она, но братья не уходили, смотрели друг на друга, или на мать, но никто не хотел смотреть в ту сторону, куда она махала рукой. – Идите, идите... – повторяла она, пыталась рассердиться, за то, что не слушаются, но не могла.

Постояв так какое-то время, Нирон снова шагнул к шалашу, но Найя попятилась к проходу и развела руки в стороны, давая понять, что обратно не пустит.

– Нет Нирон, – прошептала она, – вы не можете остаться.

Завыла вьюга, где-то далеко ей отозвался одинокий волчий вой а потом Нирон услышал позади себя хруст снега и глухое покашливание брата. Акрон уходил. Найя провожала его тоскливым взглядом, а потом совсем закрыла глаза. Из-за темени Нирон почти не видел лица матери, но чувствовал, что она плачет.

– Береги его, ты старший, – прошептала она, последний раз взглянула на сына, откинула лосиную шкуру и вернулась в шалаш. Опустив голову, Нирон потоптался на месте, повернулся в сторону удаляющихся шагов, и отправился вслед за братом. Больше он не оглядывался.

Глава 4

Акрон так и шел впереди а Нирон, чуть отставая, двигался сзади. Иногда тусклая луна освещала вершину тупой горы. До самого утра она и была им ориентиром. Они шли на Север, но как только стало светать, Акрон резко взял вправо на Восток. Брат безропотно шел следом, но когда, через пару часов Акрон снова повернул на север, стал возмущаться:

– Зачем ты плутаешь?! – крикнул он. – Если уж решил повернуть к морю, то идем к морю. Здесь хотя бы равнина. Какой смысл сейчас карабкаться по скалам? Зачем выбирать трудную дорогу, если все равно идем непонятно куда?

Акрон оглянулся на брата, ничего не ответил, но все-таки снова повернул на Восток. Он и в самом деле не знал куда идти. Вышагивать по равнине было тоскливо – впереди до самого горизонта проглядывалась бесконечная, безнадежная пустота. За северными горами, казалось, может появиться что-то неожиданно хорошее, но чем дальше они шли, тем больше он замерзал. А север, это холод, и идти туда, где еще холоднее, тоже не хотелось.

Нирон еще несколько раз окликал брата, но тот не оглядывался. С тех пор, как Нирон выдал племени Охайру, Акрон с ним не разговаривал. Нирон всегда считал это его глупым капризом, и никогда не придавал этому значения, но теперь, что-то изменилось. Молчание Акрона раздражало, и даже пугало его. Стало казаться, что брат затаил злобу, и рано или поздно уйдет так далеко, что его невозможно будет догнать. Вместе со страхом остаться одному, где-то в глубине души просыпалось раскаяние. Но холод быстро вымораживал эти запоздалые чувства.

Под утро ветер, и снегопад усилились. Далекое, а за ними и близкие горы совсем скрылись из виду. Иногда Нирон буквально натыкался на спину брата. Когда вьюга начинала кружить вокруг них, нельзя было ничего разглядеть даже в двух шагах.

Ориентироваться можно было только по направлению ветра, а он сейчас был попутным, и оставалось только надеяться, что он не переменится.

Они шли почти без остановок. Снег был повсюду, он кружил в воздухе, хрустел под ногами, колот глаза, и щекотал под носом, превращаясь в капли и тут же замерзая. Во время редких привалов снегом растирали замерзшие щеки, и обмороженные носы, его ели, обсасывали во рту спрессованные снежные комочки, надеясь хоть немного утолить жажду.

Теплые сапоги возле колен были перетянуты веревками, но снег все равно проникал внутрь. Ноги стали замерзать, и, когда их растирали теплыми, после варежек, пальцами, носки и пятки начинали неприятно ныть и колотиться, будто их засовывали в кишаский муравейник.

Серое утро медленно перешло в тусклый морозный день. Ему не было конца, и когда пришли сумерки, братьям показалось, что это еще не вечер, а просто гуще повалил снег. Скоро стало совсем темно. Два одиноких детских силуэта расстали в ночной снежной пустыне.

Во время отдыха, когда оба брата лежали на спинах, часть неба вдруг очистилась. Несколько звезд выстроились в ряд, напоминая летящую сквозь облака стрелу.

– Эта стрела летит на юг, – неожиданно произнес Акрон. – Она летит в Бескрайнюю долину. Охайра рассказывала мне про нее. – Вспомнив о старухе, он немного помолчал, будто пугаясь того, что снова может причинить ей вред. Но потом он подумал, что все плохое уже случилось, печально вздохнул и продолжил: – Боги никогда не выбирают ничью сторону. Но, когда-то мы думали, что боги за нас, – сказал он. – Они послали много стрел в долину, и убили почти всех наших врагов. Только одно селение осталось, потому что одна стрела застряла в небе. Горцы радовались, но надо было закончить то, что начали боги. Тот, кто достанет стрелу и пустит дальше, станет вождем всех людей на свете. Великие воины стали драться из-за нее и горные реки окрасились кровью. Горцы ссорились тысячи лет. От одной стрелы погибло больше народа, чем от всех стрел посланных богами в долину. Несчастья народов бескрайней

долины обернулись нашими. Боги поднимают в небо, а потом опускают на дно глубоких ущелий. Боги отнимают все свои подарки.

– Зачем? – спросил Нирон. – Зачем они все это начали, если все это так плохо закончилось?

– Им скучно, – ответил Акрон. – Боги дали нам наши желания, чтобы мы могли развлекать их. Им нравится смотреть, как мужчины дерутся из-за шкур, мяса и женщин.

– Ты плохо думаешь о богах. Может, поэтому мы и попали в такую беду.

– Мне кажется им все равно, что я о них думаю. Тем более здесь, на пустой равнине. Здесь не дерутся на смерть «когти» с «камнями», не трещат щиты, и Хелкат не рубит головы своим большим топором. Здесь никого не убивают, никто не просит пощады. Здесь не интересно. Сюда они даже заглядывать не станут.

– Без богов мы здесь пропадем, – сказал Нирон. – Мы столько прошли, но так никого и не встретили. Я очень устал. Я замерз. Я не чувствую ног. Пальцы на ногах стали синими. Я растираю, а это не помогает. Когда я упаду, и уже не смогу встать, ты оставишь меня?

– Нет, – ответил Акрон. – Я не оставлю тебя. Но идти нам придется еще много. Сейчас мы согреем твои ноги, и пойдем дальше.

– Зачем нам идти? Будет все то же самое. Никого мы здесь не встретим. А если и встретим, то только таких же, как мы сами. Они могут забрать наши шубы. А если попадутся людоеды из Северных кланов, то лучше и не думать, что они сделают.

– Нет, мы никого не встретим. Теперь мы пойдем на Юг. Мы пойдем туда, куда летит стрела, – обнадеживающей интонацией произнес Акрон.

Они снова изменили направление, и теперь пошли на Юг. Но, как и предупреждал Нирон, ничего не менялось. Все тот же снег, и все те же, одинаковые, далекие, будто нарисованные очертания гор.

Они шли еще два дня. Под утро третьего увидели одинокий шалаш, у подножья высокого холма. Он был почти весь занесен снегом, чтобы раскопать вход, пришлось изрядно потрудиться.

Внутри они нашли замерзшего мужчину. Видимо он был «шкурник». Он охотился здесь, чтобы сделать зимние запасы, для одного из Северных кланов. Но с приходом зимы, он не покинул этих мест. Что-то помешало ему. Скоро братья поняли, что умер он не от холода, а от другого недуга. От той самой болезни, которая пришла совсем недавно и в их селение. Тело его было раздуто, на коже лица проступили красные вены, похожие на ветви сухого дерева. Некоторые туши, заготовленных им горных козлов, тоже раздуло. Есть их было нельзя. Оставаться здесь было опасно. Братья знали: все кто жили в шалашах с зараженными, скоро заболели сами.

Ничего другого не оставалось, только идти дальше. Скрепя сердцем оставили место, которое могло бы стать им приютом, но удача сейчас была не с ними. Богам здесь было не интересно. Может, и в самом деле, сейчас, они смотрели в какую-то другую сторону.

Утром следующего дня Нирон сказал, что не может идти. Он еще пытался ползти, но в теле появилась слабость, начался жар. Пальцы на ногах посинели и сильно болели.

Акрон сидел рядом, и обреченно смотрел по сторонам. От голода и холода кружилась голова. Горы нависли над ними, но они уже не стояли, как раньше, на одном месте, они двигались, они качались из стороны в сторону, они подпрыгивали, и, завывая, летали над головой, как огромные черные птицы.

И в тот момент, когда, казалось, не осталось ни какой надежды, Акрон увидел треугольник далекого затерявшегося, среди горных вершин, жилища.

Это был шалаш – большой, целый, жилой. Акрон отчетливо видел дымок, и мерцающее марево, и человека с большой черной миской, который стоя на коленях, собирал в нее снег, чтоб растопить на огне. Видение показалось лишь на секунду и исчезло.

Акрон был уставшим, замерзшим и совершенно потерянным. Он не понял в какой стороне он видел шалаш. Голова кружилась, в глазах темнело, и последние четверть часа, он просто крутился на месте, пытаясь понять, где север, и где юг.

«На Востоке, – вдруг сказал он сам себе. – Я видел его на Востоке. Вон за тем холмом. Правильно, – пытался он собрать в кучу задубевшие мысли. – Я шел на Юг, и он появился слева... Слева, значит вон за тем холмом... Слева, значит на востоке».

Акрон пошел в ту сторону, но вдруг услышал глухой жалобный голос брата:

– Акрон, – окликнул он. – Акрон, ты ведь не оставишь меня?.. Акрон, прошу, не иди без меня... Мне страшно, Акрон.

– Ах да, конечно... – пробормотал Акрон, возвращаясь. – Ведь я не один... – вспомнил он. – Ведь мы вместе... Ведь мы всегда были вместе... Я не оставлю тебя... – твердил он, покачиваясь на нетвердых ногах. – Я никогда не брошу тебя, брат. – И, схватив Нирона под руки, он потащил его за собой. Тащил его за шкуру, тянул за рукава, и даже пытался взвалить на спину, но за весь день, они вряд ли одолели и пол круга. Шалаш больше не показывался.

Ни тащить брата, ни идти самому сил больше не было. Нирон уснул, Акрон стал бить его по щекам, но он не просыпался. «Он больше не откроет глаз, – подумал Акрон. – Скоро сердце его остынет, но ему уже тепло. Гораздо теплее, чем мне». Он еще попробовал разбудить брата, растерев ему лицо, но это не помогло. Акрон лег рядом и стал смотреть на беспрочно-серое небо. «Может быть так даже и лучше, – решил он. – Великая судьба... Предназначение... Объединять, разъединять – какая разница? Все повторяется заново. Все это никому не надо. Охайра говорила, что все это ни для чего. Судьбы людей, и судьбы целых народов, это просто камни, которые катятся с горы. Катятся себе и катятся. Можно просто встать в сторонке и смотреть. Катятся себе и катятся. А зачем катятся?.. а почему? А потому что вниз... Какой простой ответ. Как все оказывается просто в смерти...»

Мысли стали вялыми, серыми, как небо. Тягучими ручьями они медленно стекали с гор, и соединялись в стоячей реке. Дальше течь им было некуда. Они останавливались, согревались, веки Акрона сомкнулись и окаменели, наполняясь теплом этих тягучих ручейков.

Его разбудил запах жареного мяса. Он больше не чувствовал холода. Рука была сжата в кулак, он разжал его, и пальцы послушались. Веки стали легкими, как крылья бабочки, он легко раскрыл глаза, и перед лицом вспыхнуло пламя костра – синие, алые языки, и раскаленные оранжевые угли.

Акрон протянул руку и взял уголек. Был уверен, что ничего не почувствует, но уголь обжог пальцы, и он выронил его. Теперь Акрон знал, что не спит, и что по какой-то причине все еще жив.

Глаза постепенно привыкли к свету, и он понял, что находится в шалаше. Он был раздет до пояса и укрыт собственной шубой, и еще какой-то шкурой, большой и тяжелой.

На противоположной стороне от входа были широкие деревянные сани, возле ног Акрона, недалеко от огня обсыхали его сапоги, рядом с ними белые, из козьего меха, сапоги Нирона. Только вспомнил о брате, как в темноте, с той стороны костра, что-то пошевелилось. Акрон увидел голую руку Нирона, а потом и голову; брат засопел, и перевернулся набок, лицом к стенке шалаша.

«Живы, – промелькнула радостная мысль. – Кажется, мы оба живы». И как-то незаметно, с приходом «ощущения жизни», пришло и неудержимое чувство голода.

Акрон увидел коптящееся над огнем мясо. На деревянных крюках болтались потроха и нога, то ли горного барана, то ли козла. Он пригляделся и увидел аккуратное копытце, и обугленную шерсть на том месте, где кончалась кость и начиналась кожа. Это был козел. Мясо давно приготовилось, оно потемнело, и жир уже не капал на угли.

Акрон не смог преодолеть искушения: приподнялся, снял с крюка тяжелую ногу, и с жадностью откусил большой аппетитный кусок. Он проглотил его, почти не жуя, как голодная собака. Братья не ели почти неделю, и, наверное, он смог бы приговорить половину ноги, а может и больше, но звук с улицы отвлек его.

От чьих-то глухих шагов захрустел снег, вход шалаша распахнулся, пуская морозный воздух, и внутрь шагнул хозяин жилища – высокий, одетый в просторную оленью шубу, с глубоким меховым капюшоном, и в громоздких сапогах шерстью наружу. Сапоги чем-то напоминали медвежьи лапы, и во всем его облике было что-то дикое, животное.

Какое-то время он разглядывал Акрона, застывшего с козьей ногой у рта. Потом свалил в кучу ворох обрубленных веток, которые держал под рукой, положил сверху топор, и снял с себя шубу. Под теплой одеждой был такой же просторный черный плащ. Акрон все никак не мог увидеть лица этого человека, и под шерстяным капюшоном оказался такой же капюшон, только матерчатый.

Акрон виновато, подцепил растерзанную козью ногу на деревянный крюк. Хозяин прошел к саням и сел на них. Скоро в его руках появился глиняный кувшин с широким горлом. В нем была темная жидкость, похожая на загустевшую от вареных костей и жира воду. Откинув шубу Нирона, он подтянул к себе его ногу, и стал смазывать этой жидкостью его почерневшие, все в мелких язвах, пальцы.

Капюшон мешал незнакомцу, и он, наконец, сбросил его на спину. Только сейчас Акрон смог разглядеть его лицо, и страх, который почти оставил его на тот момент, вернулся снова.

О таких как он Акрон много слышал. Таких, как он Акрона учили остерегаться и ненавидеть. У многих из них светлые волосы, потому что черные мысли выдавливают свет из их головы. Многие из них одели голубые глаза, чтобы воровать небо для изгнанных под землю духов. Кожа их часто бледна, потому что они кормят тьму своей кровью. Их нельзя слушать, с ними нельзя говорить. Они непримиримые вечные наши враги. Они кровожадней трусов, и подлее завистников. Они хуже детей предателей, которые предали отцов! Они даже хуже женщин! Они – люди из Бескрайней долины.

Акрон отодвинулся назад, человек из долины заметил это, и, еле заметно усмехнулся. Затем, он закатал себе рукава, взял другой кувшин, и стал мыть руки. Из под намоченного рукава показалась странная яркая татуировка – большой желтый, похожий на солнце цветок.

Обсушивая руки над огнем, он медленно и уверенно произнес:

– Вашего отца звали Краогорм. Он один из старейшин племени «Орлиных когтей». – Он ненадолго замолчал. Акрон не понял вопрос это или просто рассказ о нем самом, но на всякий случай кивнул. Человек из долины, кивнул в ответ и продолжил: – Вы родились в ночь первого звездопада, в свете Живой кометы. Племя хотело отдать вас в жертву вулкану, но вы бежали. Пять дней вы шли на Север и на Восток. Потом вы повернули на Юг. Вы и дальше пойдете на Юг. Но теперь вы пойдете за мной.

Глава 5

Медленно, глоток за глотком, Эмистан опустошил кубок. Мариша прильнула к владыке, поцеловала в губы, и, после короткого поцелуя, провела ладонью по его щеке.

– Ну иди, – прошептала она. – Мне страшно. Пусть это уже закончится.

Эмистан хотел еще раз прижать ее к себе, но девушка слегка отстранилась, и отвернула лицо.

– Не надо... Иди Эмистан.

– Леман не верит в бога, – произнес он, мельком взглянув на эрла. – Иногда он произносит его имя, но не верит. А я верю. Бог всегда со мной. Тот который знает прислал мне тебя. Не будем расставаться. Хочу, чтобы ты всегда была рядом.

– Будем вместе, пока мы живы, – ответила она. – Тебя ждут.

– Тогда давай жить вечно. – Эмистан усмехнулся, встал боком к арене, и, уверенно держа руку на мече, посмотрел вниз. Там волнительно вышагивая по краю смертельного круга, его уже дожидался Стах. Разминаясь, он делал короткие взмахи мечом, крутил шеей, и без конца поправляя шлем, поглядывал на балкон владыки. Он заметно волновался. Эмистана забавляло это. Он постоял бы еще, лишь бы подольше насладиться его страхом, но тянуть больше нельзя – барабаны смолкли, и трибуны затихли в ожидании.

Спускаясь по белым мраморным ступеням, Эмистан запнулся и чуть не упал. «Проклятье» – выругался он, с трудом сохраняя равновесие. По трибунам, как шелест листвы в парке, пронесся еле уловимый недовольный шепот. Будто читая мысли Лемана, Эмистан взглянул на балкон, и успокаивающе махнул рукой.

– Все в порядке. Эти ступени никуда не годятся, – смеясь, произнес он. – Они не рассчитаны на мой широкий шаг. Измельчал народ. – Он думал, что увидит рядом с Леманом Маришу, но на балконе ее почему-то не было, и это сначала его расстроило, а потом неожиданно развеселило.

– Тритоново племя, – выругался Эмистан, когда запнулся второй раз. «Хорошее вино научились делать, – подумал он, и с этой мыслью пришло первое неприятное предчувствие. – Хорошее, вот только не вовремя».

Он снова взглянул наверх.

– Куда им тягаться со мной, когда я для самого себя непредсказуем?! – пошутил он. Холодное, задумчивое лицо Лемана снова развеселило его. Удивительно – смешным сейчас казалось все, что раньше раздражало, или настораживало. Не было ни страхов, ни сомнений, только веселое безразличие, и небывалая уверенность в собственных силах.

Перед владыкой опустили мосток, по которому он должен был добраться в Круг смерти. Подходя к нему, Эмистан вытащил из ножен меч, и тут же уронил его в песок арены.

«И все-таки что-то здесь не так» – снова подумал он, чувствуя, как странно меняется его настроение. То паника, то беспричинная радость накатывали волнами овладевая сознанием. Он чувствовал, что руки его слабы, а ноги не слушаются, но еще не понимал, что жизнь в опасности. Думал только о том, что будет смешно, если выронит меч еще раз, или не дай бог, свалится в ров.

Леман не сводил с него глаз. Эмистан, конечно мог валять дурака, просто из вредности, чтоб в очередной раз позлить его, но эта игра, слишком затянулась. У каждого есть свой внутренний колокол, который предупреждает об опасности. И этот колокол давно уже должен был разбудить его страх, и подчинить волю одному желанию – выжить.

Леман обратил внимание на бокал, из которого пил Эмистан. Невозможная, но все объясняющая догадка, звякнула где-то в подсознании, как потерянный ключ в подкладке. Он

посмотрел по сторонам, и только сейчас заметил, что Мариша, которой так не терпелось попасть на балкон, куда-то ушла.

Трибуны зашумели – Эмистан вошел в круг. Мостки поднялись вверх. Только один из них опустится обратно, чтоб поднять победителя над пламенем. Вновь ударили барабаны, вспыхнул ров, окружая дерущихся огненным кольцом.

«Соберись, – с отчаянием взмолился Леман. – Прошу: соберись! Теперь пора! Теперь, самое время!» Но Эмистан не слышал. Казалось, совсем не понимает, что происходит, и где находится. Не спеша, покачиваясь, он шел к Стаху в центр круга, бездумно глядя себе под ноги. Эртукийский клинок Лемана тянулся за ним в вытянутой руке по песку, как бесполезная палка.

Эрл взял в руки пустой бокал, и обратил внимание на белый налет, который остался на высушенном дне. Поднес поближе к носу, понюхал и с трудом, но уловил ядовитый горчичный запах. Отшвырнув бокал, Леман бросился вниз по ступеням, но было слишком поздно. Он что-то кричал, но рев толпы на трибунах заглушал его крики. Возбужденный подбадривающий рев харпийцев, сменился воплем отчаяния и боли. Леман понял, что произошло что-то ужасное и непоправимое. Барабаны стихли, а люди кричали все сильнее. Леман пробился через солдатское оцепление, выскочил на арену, и остановился перед горящим ровом.

За высоким огненным пламенем был виден только блестящий шлем Стаха, отблескивали стальные накладки на плечах, появилось и исчезло его испуганное и вместе с тем радостное лицо.

«Эмистан ранен, – твердил себе Леман, пытаясь заглянуть в круг. – Он не стоит, но он только ранен. Еще не кончено! Он встанет! Он еще может бороться!..»

На несколько секунд ветер разогнал пламя, и Леман, наконец, смог увидеть Эмистана.

Владыка стоял на коленях, и у Лемана перехватило дыхание. «Жив» – решил он, и на какую-то секунду испытал прилив невероятного радостного волнения, почти счастья, но эта волна мгновенно схлынула. Эмистан был мертв. Упасть ему не давал меч, который проткнул ему грудь, и вошел аж до рукояти. Лезвие вышло из спины и ткнулось в землю. Тело не соскальзывало по мечу на землю, только потому, что владыка перед смертью крепко двумя руками вцепился в рукоять, и не хотел отпускать даже теперь.

Лемана охватила злость и отчаяние – он был готов на любой безрассудный поступок. Только ров и предательское пламя отделяли его от Стаха, не давали убить прямо здесь и сейчас. На секунду боль утраты взяла над другими чувствами. Леман закрыл глаза, пытаясь осознать случившееся. Не стало его брата, не стало лучшего друга, не стало какой-то части его самого.

То, что произошло в Кругу смерти, не было поединком. Здесь состоялась казнь – дерзкая, жестокая и ужасная по своим последствиям. Ступив в Круг смерти Эмистан уже не видел Стаха. Земля уходила из под ног – трибуны, песок арены и пламя потеряли свои очертания, стали просто размытыми серо-желтыми пятнами. Руки не слушались, и даже глаза уже не смотрели в нужную сторону. Он утратил контроль над телом и мыслями. Чтобы не упасть пришлось упереться на меч, и своим первым ударом противник выбил эту опору из его рук. Вторым ударом Стах пронзил его своим мечом, и, наваливаясь всем телом, несколькими толчками проколол насквозь.

Взгляды Лемана и Стаха пересеклись. Злой отчаянный взгляд Лемана, и самоуверенный, надменный взгляд Стаха. Взгляд триумфатора. Взгляд, в котором чувствовался вызов и презрение.

На трибунах творилось что-то невообразимое. Вся толпа разом подалась вниз. «Измена!.. – сдавленно, надрывно кричали ото всюду. – Измена!.. Смерть Ротрикам!..» Солдаты харпского оцепления с трудом сдерживали их натиск. Владыки девяти Миров занимали нижние ряды. Вся их многочисленная охрана была сегодня с ними. Часть охранения, прикрывая владык щитами, вводили их к выходам, которые вели в скрытые под трибунами залы.

Остальные, щетинясь мечами и копьями, заняли круговую оборону, готовясь к тому, что харпийцы не смогут сдержать натиск разгоряченной толпы. И скоро, вполне предсказуемо, этот неуправляемый поток прорвался сквозь оцепление сразу в нескольких местах. Безоружные люди наткнулись на непроходимую преграду копий и мечей. Верхние ряды теснили тех, кто находился внизу, и остановить эту давку было невозможно. В считанные секунды от мечей ромульцев и отийцев погибли десятки, если не сотни харпийцев. Солдаты оцепления еще сдерживали натиск, но в их действиях уже не было уверенности, ведь за их спинами гибли соотечественники.

Над ареной, на удивление громко и отчетливо раздался приказ Лемана

– Солдаты, развернуть копья! Атарьер рух! – несколько раз крикнул он. – Атарьер рух! Наши враги за нашими спинами! Смерть Схале! Смерть Адломе! В атаку!

Вся восточная и южная сторона подчинялась Леману. Командирам корпусов даже не пришлось повторять приказ эрла. Солдаты сами бросились в бой. Леман был на самой арене и скоро оказался в гуще схватки. Злости его не было предела, и он наносил один смертельный удар за другим. Он так увлекся схваткой, что в какой-то момент оказался посреди вражеского отряда, и его верно бы зарубили, но верные охранники, крепкие, как дубы, бородачи из Диких земель, отбили своего хранителя.

Воины северного и западного оцепления подчинялись Харуму Адию, но и они развернули свои штыки. Сам Харум Адий, как растворился – его не было ни видно, ни слышно.

Численное преимущество скоро дало о себе знать. Болейцы и заптийцы были перебиты, адломцев осталось не больше полусотни. Ромульцам досталось меньше всех. Почти все они бросили свои мечи и упали на землю. Керчаки, мордовцы и воины Схалы еще защищали входы коридоров, в которых скрылись их владыки.

Чувство мести обжигало сердце Лемана, злоба с каждой секундой только разгоралась в нем. Он уже представлял срубленную голову Стаха, видел корчащихся в смертельной агонии владык, и порубленные на мелкие части «лапы» паука. Но что-то изменилось. В какой-то момент он заметил перед собой посеребренную харпийскую кольчугу. Такую носили штурмовики эрла Маера из пригородных гарнизонов. Леман еле сдержался, чтобы ни нанести удар. Опешив, он поднял голову, и увидел, что серебряные воины уже поднимались по ступеням трибун; они вклинивались в толпу, постепенно разделяли ее на множество частей. Неуправляемый искрящийся поток проникал на арену через главные ворота. Огибая Круг смерти, «серебряные» заполняли собой все пустое пространство. Отгораживаясь щитами, они оттискивали все дерущиеся стороны друг от друга, перегораживали проход к коридорам и залам, в которых укрывались владыки. Бой постепенно сходил на нет.

– Леман, – услышал эрл голос Харума. Он повернул голову и увидел старика, возле кованной решетки входа, к которому он так хотел пробиться. – Это я привел их, – сказал он. – Этот бой закончен Леман. Отзывай людей.

– Я не собираюсь отпускать их! – крикнул эрл. – Они отравили Эмистана! Они убили моего брата. Домой они вернутся без голов! Пусти меня Харум. Не вынуждай меня проливать кровь харпийцев. Нам хватит сил прорвать оцепление. Не стой на моем пути!

– Мы не можем убить владык всех Миров Пятигорья.

– Можем! Они могут убить нашего, значит, и мы можем убить всех их.

– Кого ты собираешься убивать, Леман? Карт Натий и Талин Ротрик уехали из Харпы еще утром. Это они придумали убить Эмистана. Они знали, что ты станешь мстить. Ты убьешь владык, которые остались здесь, и тогда войны нам уже не избежать. И поверь, эта война будет стоить дороже ста тысяч ромбов...

– Но Эмистан!..

– МЕРТВ!!! – перебил его Харум. – И скоро у нас будет новый владыка, – сказал он уже тише. Помолчал немного, еле заметно поморщился, и добавил: – А Сифеас жив. И пока еще жив Аль. Пока... Вот о чем надо думать.

С необычным проворством для старика, Харум залез на бетонный парапет.

– Командиры первого оцепления, слушайте меня! – крикнул он. – Приказываю: опустить оружие, и отступить! Бой закончен! Уводите солдат с трибун!

– Солдаты не слушайте его! – крикнул кто-то в толпе. – Старик вместе с ними! Харум предатель! Измена!..

– Измена!.. Измена!.. – поддержали его десятки голосов. Трибуны заволновались с новой силой. Опять зазвенели мечи. Солдаты оцепления ринулись к проходам, толпа толкала их в спины, и постепенно «серебряные» стали отступать.

– Леман! – крикнул Харум эрлу. – Останови их! Останови, пока еще можешь!..

Харум был прав, Леман понимал это, и как ни хотелось довести начатое до конца, но надо было остановиться.

– Щит на плечи! – скрипя сердцем, крикнул он своим бородачам, и через секунду один из них вытащил и поднял над головой деревянный круглый щит. Он, и еще трое других поставили его на плечи, и подперли шеями. Давка была ужасной, с большим трудом, но Леман все же смог вскарабкаться на эту качающуюся платформу, и, возвышаясь над толпой, стоя на одном колене, приказал отступить.

– Солдаты назад! – кричал он снова и снова! – Назад! – повторял, пока, наконец, его не услышали. Натиск стал ослабевать, щит Лемана перестал качаться и он смог встать в полный рост. – Поднять копья, мечи в ножны! – произнес он охрипшим, но все еще громким и уверенным голосом. – Командиры первого и второго оцеплений уводите отряды через главные и восточные ворота! Третье оцепление выходит через северные.

На мгновение стало тихо, и уже через секунду, над трибунами раздались зычные команды командиров:

– Первый аклертит, конец атаки! Отступить на центр! Стройся на выход!.. Второй аклертит, конец атаки! Отступить на центр! Собраться на исходной!.. Третий аклертит, конец атаки! Атарьер рух! Всем идти к восточным воротам!.. Четвертый...

– Леман посмотрел на Харума. – Народ с трибун пойдет через западные. Пусть твои организуют, – сказал он устало, и повернулся к арене. Там, в Кругу смерти все еще стоял на коленях, пронзенный мечом Эмистан. Он так странно держался за рукоять, что казалось, проколол себя сам. Голова его была опрокинута лицом вверх, глаза смотрели в небо, дымный ветер трепал черные вьющиеся волосы. Когда-то, кажется, это было лет десять назад, они плыли на «Грозном владыке» по Бескрайнему морю на север Диких Земель, чтобы выбрать подходящую бухту, и построить на берегу Новый город. Леман вспомнил, как выхаживая вдоль правого борта, Эмистан часами смотрел на линию берега. Ветер тогда так же трепал его длинные густые волосы. И однажды он поднял руку, посмотрел на Лемана, и тыча пальцем в сторону нескольких завалившихся рыбацких изб, на изъеденном волнами каменистом берегу, крикнул: «Здесь! Здесь будет первый северный порт! Здесь мы построим город!»

Леман будто бы ждал, что сейчас он повернется так же, как тогда, но он оставался неподвижен. Руки, кожа лица и даже губы стали белыми и твердыми, как мрамор.

Стаха уже не было. Мост, по которому он ушел, окруженный черным дымом, полыхал над ровом.

Глава 6

Харум Адий приехал за детьми рано утром. Поединок Эмистана и Стаха должен был состояться в полдень. Старик торопился, бесцеремонно заходил в комнаты девочек, и со словами: «Очень быстро! Очень! Совсем нет времени...» бросал их одежду и обувь на одеяла. Если дети не спешили просыпаться, начинал стучать тростью по спинкам кроватей.

– Куда мы так торопимся? – морщась от света свечи, пыталась возражать Эльза. – Я опять не высплусь, и у меня снова будет болеть голова. Заберите нас утром.

– Уже утро.

– Не правда, на улице темно, – шептала она, снова проваливаясь в сон.

– Ромульцы, – резко сказал Харум, и девочка вздрогнула.

– Где? – пуча глаза, встрепенулась она.

– Одевайся, – повторил старик, и подтянул к ней тростью, светлое теплое платье.

– Так не-ль-зя... – обиженно протянула Эльза, когда поняла, что он обманул.

– Мне можно, – сказал Харум. – Я старый, – добавил он так, будто теперь его надо за это пожалеть.

Эламир поднялся один из первых. Он знал о предстоящем поединке, как знал и то, что Харум захочет их перевезти в безопасное место именно этой ночью. То, что Эмистан примет вызов, стало неожиданностью для всех. Харуму надо было торопиться, и быть готовым, к любым последствиям этого решения.

Дольше всех поднимались братья горцы. Этой ночью они совсем не спали. Еще днем Акрон заметил, что-то странное в поведении брата. Нирон смотрел на него. Смотрел ни как обычно, вскользь, мимоходом, а смотрел сосредоточенно, по долгу, будто хотел запомнить, будто прощался. Вечером, ложась спать, Нирон положил под его подушку свой кинжал, и розовый камень, который нашел в кожаном мешке на ремне изгоя, и с тех пор носил в кармане. Это было самое ценное, что было у Нирона. Дорогой подарок – совсем не в его духе. Прощальный подарок.

Акрон притворился спящим, но не смог бы уснуть, даже если бы захотел. Волнение брата, передавалось и ему.

Наступила ночь. Вернулся Леман, поскрипел половицами на третьем этаже, и снова ушел куда-то. Не смотря на охрану и прислугу, Нирон смог покинуть дом незамеченным. Еще днем он приметил на хозяйственном дворе большую и не очень тяжелую лестницу, по которой легко можно было перелезть через забор.

Он нашел ее на прежнем месте. Тащить лестницу было не так просто, как он думал: она оказалась скользкой, и оставляла на руках занозы. Но все получилось. Когда добрался до кованых заостренных прутьев, то в последний раз взглянул на занавешенное окно, за которым должен был спать Акрон. Мысленно попрощавшись, он аккуратно перелез через прутья, сбросил лестницу обратно, и спрыгнул вниз, на узкий каменный тротуар улицы. Акрон не выпускал его из виду. Легко повторил его маневр, и отправился следом. Вот только лестницу, не стал бросать во двор, а аккуратно, перетащил на другую сторону. Ведь он, в отличии от брата, планировал вернуться.

Ночь была холодной, темной и безлюдной. Серп луны изредка появлялся и снова исчезал за тучами.

Наверное, Нирон чувствовал, что за ним следят, и все время оглядывался. Но Акрон был осторожен, и предугадывал каждое движение. Он шел за ним не для того, чтобы остановить. Если брат решил уйти, ничто не сможет помешать. Но необходимо было узнать, куда он уходит, почему? и главное, что с ним будет дальше?

Вдоль дороги на тротуарах росли не высокие березы с длинными ниспадающими почти до земли ветками, как у плакучей ивы. На листьях мерцали голубые и зеленые огоньки березовой тли. Когда Нирон проходил рядом с деревьями огоньки затухали, но стоило отойти, вспыхивали с новой силой, выдавая его маршрут. Акрон заметил это и старался держаться подальше от этого пугливого света.

Слева показался парк и Нирон свернул к нему. Они перешли через подвесные мосты, перекинутые через небольшие ручьи и речушки. За городом разделенная река вновь соединяется в один стремительный поток.

Впереди по краям площади в свете факелов мерцали доспехи городских стражников. А в самом центре серебристым отблеском отчерчивались контуры распластанного по земле окаменевшего дракона. Совет пока не знал, как поступить с ним дальше, но, харпийцы уже свыкались с мыслью, что чудовище останется здесь надолго, возможно навсегда.

Площадь осталась в стороне, Нирон снова свернул на темную улицу, и скоро оказался возле той самой пивной, где впервые встретился с Коеном. Странная необъяснимая связь была между ним и этим слепым, но обладающим невероятной внутренней силой, стариком. Нирон чувствовал почти физическую, сравнимую с голодом или жаждой потребность находиться рядом. Та же связь была между ним и братом, но Акрон не похож на него, брату не нужна месть, он не хочет возвращаться, а вот старик сразу угадал его мысли – напомнил о врагах, обещал помочь, и предложил выбор.

Обломков, камней, пыли, разбитых стекол – ничего этого не осталось. Улица была вычищена и вымыта. Вдоль разрушенных стен домов, до самых крыш, высились строительные леса. Возле входа в пивную стояли новые столы и широкие крепкие скамейки.

Нирон сел на скамью, доски пахли смолой, хвоей и сломанными ветками. Сомнения все еще терзали его, и сейчас желание вернуться к брату пробудилось с новой силой. Вспомнился чужой лес, пещера наполненная светом костра и Акрон, который сидит напротив и нехотя стругает колья для ловушки.

«Да. Тогда, впервые за четыре года он заговорил со мной, – вспомнил Нирон. – Отступник. Только тот, кто может перешагнуть через правила, способен на великое. Наверное, он может... Наверное... Но Охайра должна была сказать это мне. Это я готов идти до конца, а он... а он... – Нирон всхлипнул, из глаз потекли слезы. – А он ни во что не верит. Пророчество для него пустой звук. Это все Найя нашептывала: не верьте Сынам, не слушайте старых обманщиков... Вот он и не верит... Все она виновата...» – Нирон вспомнил мать, вспомнил шалаш и ночную выюгу. Вспомнил тоску, ледящую сердце, и последние слова матери: береги его, ты старший... И вдруг воспоминания рассеялись. Он что-то почувствовал: что-то навалилось сверху, сжало в тиски и спутало мысли. «И тогда было так же» – подумал он, присматриваясь к темноте.

Акрон наблюдал за братом из-за угла дома, когда услышал позади себя какой-то странный стук, будто кто-то бросал с крыш камни, а потом раздались неторопливые шаги, послышался тяжелый вздох. Деваться Акрону было некуда, он почувствовал себя в западне, и это его испугало. Прижимаясь к стене дома, с нарастающим волнением мальчик смотрел, как высокая, чуть сгорбленная, мужская фигура выплывает из темноты, проясняется, как утопленник, поднимающийся из речной глубины.

Он шел по противоположной стороне улицы, щупая мостовую кривой клюкой с каменным наконечником. Сравнявшись с Акроном, остановился, и повернул лицо в его сторону. Мальчик затаил дыхание. В ушах шумело, словно в горное ущелье пришла большая вода, и от этого шума, казалось, вот-вот взорвется голова. Незнакомец был слеп, но смотрел сейчас точно на него. Смотрел, почти полминуты, и крутил головой, как-то странно, как это часто делают собаки, когда с ними пытается разговаривать хозяин.

Акрон не заметил, когда слепой пошел дальше, просто снова расслышал, как стучит об камни клюка, а когда встряхнул головой, увидел его тощую спину уже далеко впереди себя.

Скоро слепой оказался возле скамьи, на которой минутой ранее дожидался Нирон. Только сейчас Нирона на ней не было. Как не было нигде поблизости – ни на этой, ни на противоположной стороне улицы. Он ушел. Он передумал.

Слепец недолго покрутился на одном месте, задержал взгляд на Акроне, а потом, так же медленно, как появился, побрел дальше вверх по улице, звонко постукивая по мостовой каменным наконечником.

Когда Акрон вернулся, лестницы у забора уже не было, пришлось стучаться в ворота. Его просили назваться, но он молчал. Акрон не мог произнести ни слова. О том, что он отступник, могли знать только самые близкие. Стучал до тех пор, пока двое разъяренных бородачей, угрожающе вытягивая мечи из ножен, наконец, ни вышли на улицу. К счастью для мальчика, его сразу узнали, и пустили в дом. Через несколько минут четверо сонных, наспех натянувших на себя кольчугу мужчин, торопливо обошли все комнаты на втором этаже, проверяя, все ли дети на месте. Весть о том, что те, кого они должны охранять таскаются по ночному городу, подняла на уши всех, даже прислугу.

Когда Акрон зашел в комнату, брат лежал на своей кровати, отвернувшись лицом к стене. Акрон заглянул под свою подушку, и не обнаружил там, ни ножа, ни камня. Усмехнувшись чему-то, он быстро разделся, прыгнул под одеяло и почти мгновенно уснул.

Глава 7

Дом Харума Адия, это огромный замок посреди города. Элинон Басил подарил его Харуму после предательства и последующего изгнания своей родной сестры Криоллы. Когда-то северная и восточная стены замка были частью городской стены, но город постепенно разрастался, раздаваясь в разные стороны, и со временем, это громоздкое строение перестало быть спасительным укрытием от внешних врагов. Однако, замок все еще мог спасти от врагов внутренних, поэтому избранных решили перевезти именно сюда. Замок охраняли больше ста воинов стражи. Харум был очень недоверчив, и значительную часть своего времени уделял собственной безопасности. Даже во дворце Эмистана охранников вдвое меньше, чем у его первого советника.

Детей привезли сюда еще до рассвета. Но даже, когда солнце осветило двор, проникая в бараки, пробираясь в башни и чертоги, внутри оставалось все так же мрачно и сыро. Не сравнить с тем, что было у Лемана. Харум не выделил им даже отдельных комнат: всех разместили в небольшом плохо освещенном зале. Плотники наспех сколотили для них что-то наподобие передвижных ширм, прислужники занесли скрипучие кровати, перекошенный шкаф, мутное зеркало, дров для закопченного камина, и больше не появлялись. На этом обстановка закончилась.

Харум торопился, пробормотал что-то про то, что это временно, попрощался со всеми, и когда очередь дошла до Акхи, попросил проводить до ворот.

– Акха, из всей вашей разбойничьей компании, ты мне кажешься самой взрослой и рассудительной, – говорил он ей по дороге. За ними неотступно следовали четверо стражников, громыхая тяжелыми сапогами по каменному полу коридора. – К тому же ты знаешь о людях, немного больше других, – продолжал он. – Я вижу только стены, ты смотришь сквозь них, видишь горизонт, и заглядываешь дальше. – Харум остановился, и дал знак охранникам, чтобы они отстали. – До меня доходит много неприятных слухов. У меня всегда хватало доброжелателей, которым не терпится увековечить мой светлый образ в камне, и выступить с хвалебной речью на похоронах. С недавних пор такие друзья появились и у вас. Когда они ходили в белых плащах, вы легко отличали их от остальных, но они стали умней. Они надели самые разные одежды, и натянули разные выражения лиц. Ты видишь четверых мужчин в доспехах за моей спиной? Все они начальники моей стражи. Их верность проверена временем. Им я доверяю как самому себе. Но когда-то очень давно, когда я был маленьким, я пообещал бабушке, что больше никогда не уйду в город без ее дозволения. Я искренне верил, что у меня это получится, но... Так я перестал доверять самому себе.

Сегодня трудный день, – продолжал он. – В полдень наш владыка и томен Стах переступят Круг смерти. Эмистан прекрасно владеет мечом. Он один из лучших, но... Если его постигнет неудача, она отразится на всех нас. Сифеас объявит нас предателями, лишит власти, а со временем и жизни. Будет именно так. Сомнения только в последовательности этих событий.

Начальникам своей стражи я дал особые распоряжения. Они во всем подчиняются тебе. Следи за ними. Слушай о чем говорят, и о чем молчат. Может так случиться, что меня или Лемана сегодня убьют. Никуда не бегите, оставайтесь здесь. Стены этого замка выдержат еще ни одну атаку. Гарнизон я увеличил до пятисот человек. Запасов воды и еды хватит на месяц, но столько времени вам не понадобится. Молитесь, чтобы не убили Аля. Если Сифеас доберется до него, то во всем этом не будет никакого смысла. Если у томена хватит ума не лезть на рожон, то будет так – Армии, которые подчиняются мне, Маеру и Рикону разделятся. Одни будут поддерживать Сифеаса, другие Аля. Перевес будет не в нашу пользу: Сифеас первый наследник. Нам надо будет продержаться всего неделю. Через неделю в город войдет клоарит

Астаера. Его армия непобедима и монолитна как камень. В ней только потомственные войны. Их предки служили предкам Астаера тысячу лет. За своим эрлом они пойдут и в огонь и в воду. Если он успеет, то новым владыкой будет Аль.

Акха хотела его перебить, подняла палец, но все-таки передумала.

Харум заметил ее жест.

– Спрашивай, – сказал он, закладывая руки за спину.

– Зачем все это? – спросила она.

Глаза Харума сузились. Вопрос показался ему непонятным и странным.

– Эмистана не убьют, – пояснила Акха. – Ты зря так волнуешься.

– Надеюсь, что зря, – ответил он.

Они пошли дальше по коридору.

– Таких эрлов, как Леман еще трое? – спросила Акха задумчиво. – Астаер, Маер и Рикон, правильно?

Старик кивнул. Акха опустила взгляд, подумала, и снова посмотрела на него.

– Ты доверяешь этому Рикону? Он так любит роскошь. У него много земли, домов, кораблей и еще больше любовниц. Если придется выбирать между всем этим и честью, что он выберет?

– Рикон? – Харум задумался. – Рикон выберет честь.

Акха пожала плечами.

– Ведь у него тоже есть армия... А вообще, что будет если кто-то из эрлов станет на сторону Сифеаса?

– Если это ни Астаер, то это не так страшно, как может показаться на первый взгляд. Люди не будут сражаться за Рикона или Маера, они будут драться за своего владыку. За того, которого выберут. Так или иначе запад и юг расколется. А вот с севером все будет иначе. Диким землям нет никакого дела до Харпы и ее владык. Они пойдут за хранителем. Дикае боготворят Лемана, и если бы он захотел, давно бы уже создал свой Мир. Но Леман нам не опасен, потому что армия его мала, потому что Север охвачен войной, потому что у них там голодные, желтая сепуха и вообще непонятно что и, наконец, потому что Леман это Леман, и он всегда будет за нас.

– За нас? – спросила Акха. – А кто такие эти мы?

– Просто хорошие люди, – произнес Харум первое, что пришло в голову.

– Странный союз. Плохие тоже говорят, что они хорошие. Легко обмануться.

– Иногда и хорошие, говорят, что они плохие, – ответил Харум. – Только это не важно, что они все о себе говорят. Мы-то с тобой знаем, кто есть кто, правда?

– Ты не знаешь, хорошая я или нет. Ты не умеешь читать мысли, – улыбнулась девочка.

– Я умею слушать слова, – сказал Харум.

Когда они добрались до ворот, перед тем, как проститься Харум еще раз предупредил Акху:

– Ты за главного. Все вопросы начальники стражи будут согласовывать с тобой. Не разрешай никому выходить из замка. Держитесь подальше от окон. Ни с кем не разговаривать. Никого не впускать. Никаких посыльных от меня или от Лемана не принимать. Никакой дополнительной охраны в замок я присылать не буду. Уясни это. Запомни.

В час поединка город опустел, будто вымер. Изредка на дорогах скрипели крестьянские повозки. Рынок сегодня закончился рано, и большинство телег возвращались груженые нераспроданным товаром.

Все окна зала, в котором поселили избранных выходили на двор, и только из одного можно было увидеть городскую улицу, винную лавку и часть сапожной мастерской. Дальше обзор закрывала высокая башня замка.

Еще с утра никто из детей не сомневался в победе Эмистана, но к полудню эта уверенность куда-то исчезла. Акха рассказала об опасениях Харума, но смысл этих слов до них, и до нее самой, стал доходить только сейчас.

– Если умрет Эмистан, то они захотят убить и Аля, – стоя у окна, и вглядываясь в край опустевшей улицы, сказала Эльза. – А если умрет Аль, значит, умрет и Леман. Потому что Леман, никогда им этого не простит. И когда они убьют Лемана...

– Они его не убьют, – остановил ее Эламир. – Сделать это будет не так просто. Ты не видела, как он дрался с Аклюсом. А Аклюс, уж поверь, знал как обращаться с мечом. У него талант к убийству. Но противопоставить мастерству Лемана ему было нечего. Эрл расправился с ним, как волк с ягненком.

Эльза улыбнулась, но слова Акхи живо стерли улыбку с лица.

– Аклюс был один, а там таких, как твой Аклюс тысячи, – хмурясь, произнесла она. – До конца Леман может рассчитывать только на дюжину своих диких. Сифеас первый наследник. Он только щелкнет пальцами, и все городские гарнизоны переметнутся на его сторону. Харум предупреждал, что их могут убить.

– Лемана не убьют, – повторил Эламир с прежней уверенностью. – И Харума не убьют. Он слишком хитер для этого. Просто Леману не надо было брать с собой Аля. Томену надо было оставаться здесь с нами. Здесь он был бы в безопасности. Нам осталось бы только дожидаться Астаера. – Эламир вдруг замолчал, посмотрел на массивную дверь с громоздким железным засовом, и сразу как-то осунулся: побледнел и опустил глаза. – Жаль, – произнес он, и отошел к окну. Скоро в дверь постучали, и начальник стражи, высокий, уже не молодой, лысый и изрядно раздавшийся в ширь Приот Харм сообщил дурную весть. Три часа назад в Кругу смерти томен Стах пронзил мечом владыку Эмистана на смерть.

– А Леман? – с испугом спросила Эльза, выбежала на середину зала и остановилась в ожидании.

– На сколько я знаю, пока жив, – немного удивившись, ответил начальник стражи.

– Пока?

Стражник потоптался на месте.

– Я узнал об этом раньше, просто сомневался, нужно ли вам все это рассказывать. Но потом, все-таки решил, что нужно.

– Два наследника и одна чаша власти, – глядя в одну точку перед собой, не громко произнесла Мия. – Ну вот, значит все сейчас и начнется. Все, как всегда...

– А что там сейчас происходит? – спросил Эламир волнительно.

Приот посмотрел на Акху. Она задумалась о своем, и как-то не сразу поняла этого взгляда, но вспомнила, что теперь главная здесь она, и кивнула ему.

– Расскажи все, что знаешь.

– Ко мне принесли сразу три донесения, – ответил Приот, и в голосе его, и в скорбном выражении обрюзгшего лица было заметно волнение. – Все они похожи. Когда стало ясно, что Эмистан Басил убит, Леман решил поквитаться с владыками. В оцеплении стояли меченосцы эрла Рикона. По приказу Лемана они перебили почти всю охрану девяти владык, но так и не добрались до них. Харум Адий отеснил его штурмовиками эрла Маера. Леман отступил. Он приказал меченосцам вернуться в казармы, но командиры ослушались, и большая часть из них отправилась на площадь Воззвания. Туда же отправили своих солдат командиры городских гарнизонов, и часть штурмовиков, которых привел мой хозяин Харум Адий. Как и в случае с Леманом, большая часть из них отказалась выполнять его приказы.

Все дело в том, что каждый командир получил пакет, в котором говорилось о его повышении, и получении особых привилегий. Все это Сифеас обещал тем, кто поддержит его в борьбе за законное право на трон. Эти пакеты им вручили уже через полчаса после гибели Эмистана. А еще через час на площади Воззвания Сифеас объявил себя новым владыкой. Он хотел дать народу Харпы «клятву служения», но эрл Леман помешал этому. Эрл заявил, что последней волей Эмистана Басила было объявить приемником своего младшего сына Аля. Сказал, что этионы верховного круга, подтвердят его слова. Сифеас заявил, что с этого дня распускает верховный круг. Харум Адий сказал, что это можно сделать только с позволения Большого совета. Сифеас заявил, что отныне такие вопросы будет решать сам. Леман объявил Сифеаса узурпатором. Началась потасовка, которая переросла в кровопролитную битву. Погибли тысячи. Сейчас идет бой на южной окраине города. У Лемана и Харума Адия мало людей, их прижали к морю. Хуже всего то, что никто не знает где Аль, и жив ли он. Есть ли дальше смысл бороться?

– Какой ужас, – прошептала Эльза.

– В замке пятьсот воинов, – сказала Акха. – Если мы выйдем им на помощь, сможем помочь?

Стражник покрутил головой.

– Они еще могут уйти из горда. Так скорей всего и поступят. Скоро нам здесь, будет гораздо труднее, чем им там. Не знаю, нужны ли вы Сифеасу, но он все равно придет сюда. Он будет искать здесь Аля.

Приот откланялся. Прикрывая за собой тяжелую дверь, вдруг оглянулся, и очень удрученным тихим голосом произнес:

– Стах убил владыку с первого своего удара. Эмистан даже не защищался. Он будто бы сам шел на смерть.

Приот ушел, оставив детей в растерянном молчании, но не прошло и пяти минут, как вернулся снова.

– У наших ворот эрл Маер, и двадцать человек его личной охраны, – сказал он. – Он говорит, что собственные меченосцы предали его. Они переметнулись на сторону Сифеаса и преследуют, чтобы убить. Он требует дать ему убежище.

– Так пустите же их скорее! – крикнула Эльза. – Их же сейчас всех убьют! Я только что видела, как по улице бежали солдаты в серых плащах, а за ним гнались другие в серебряных кольчугах. Разве вы не слышите, как они кричат? Открывайте скорее!

Акха посмотрела на начальника стражи. Эльза, Эламир, и остальные впервые видели ее такой растерянной.

– Что мне делать? – спросила она у Приота.

Стражник отрицательно покачал головой.

– Если он принял сторону Сифеаса, то, как только мы откроем ворота, сюда ворвутся тысячи его солдат. Я предупреждал вас, что Сифеас будет искать здесь Аля.

– Чего ты медлишь, Акха?! – рассердился Эламир. – Прикажи, пусть его пустят. Это же Маер! Ты что забыла, как мы плавали на его корабле. Он же нравился тебе. Он наш друг, и он в беде! Прикажи открыть.

– Харум сказал, не под каким предлогом, никого не впускать, – не очень уверенно произнесла Акха. Она посмотрела на Нирона, и он повторил жест начальника стражи, Акрон кивнул ей, а Мия, когда дошла очередь, уверенно произнесла:

– Не надо этого делать.

– Ты что? – возмутился Эламир. – Да что с вами со всеми?! Там погибает наш друг! Мия, его сейчас убьют!

– Нет никаких друзей, – ответила Мия. – Есть только союзники. И все союзы временны. Союз с Сифеасом Маеру сейчас выгодней, чем союз с его младшим братом. Сефеас первый наследник, на его стороне почти вся знать Харпы, и владыки девяти Миров. Армия, которая

поддержит Аля, придет сюда только через неделю. За это время Сифеас убьет его сто раз. – Она немного помолчала. – Ты думаешь, Маер дурак?

– Нет, он не дурак, – ответил Эламир. – Я только знаю, что он хороший добрый, человек. И этот хороший человек, через минуту умрет, по твоей, между прочим, вине!

– Все умирают, – ответила Мия. – Одним больше... Одним меньше...

– Что?!! – удивился Эламир. – Знаешь ты кто? – бросил он со злостью. – Знаешь кто?

– Кто? – спокойно произнесла она. Ноздри Эламира раздулись. Он еле сдерживал свой гнев.

– В руках эфионы миллионы жизней, – сказала Мия, неожиданно взволнованно. – И она не может рисковать своей собственной, даже из-за тысячи чужих. Наоборот, это Эфиона должна уметь приказать им всем жить или умереть, ради нее.

Эламир потряс головой, потом посмотрел на Эльзу.

– Что она говорит? – задумчиво и раздраженно произнес он. – Я вот сейчас, ничего не понял, что она сказала. Ты смогла это перевести? – и, не дождавшись ответа, снова посмотрел на Акху. – Акха! – крикнул он ей. – Ну сделай, что-нибудь! Ты ведь не простишь себе!

Акха задержала взгляд на Эламуре, потом посмотрела на Приота.

– Минуты вам хватит на то, чтобы открыть и закрыть ворота?

– Минуты больше, чем достаточно, – ответил он, – но...

– Хорошо, – не дала ему договорить Акха, – вы впустите их. Эламир иди с начальником стражи. Твоего времени тебе хватит: ты успеешь предупредить. Пусть заходят, но только, после того как увидишь будущее в котором они вошли и ворота за ними закрыты.

Эламир обрадовано кивнул.

– Скорее! – крикнул он Приоту, и больше не теряя ни секунды, устремился к двери и дальше, по коридору. – Если появится опасность, я скажу что делать!

Маера и его людей впустили. Никто из них не пытался помешать закрыть ворота, напротив, навалились все гурьбой, чтоб дубовые створки поскорей захлопнулись.

Только, когда стражники заглушили засовы, и сверху опустилась дополнительная защитная решетка, эрл Маер смог перевести дух, и, устало вытирая пот со лба, обратился к Приоту:

– Почему так долго?

– Я ждал разрешения, – ответил начальник стражи.

– Чьего разрешения? Я хранитель Юга. Для меня не может быть закрытых дверей. Чтоб понять любой засов в этой части Мира, вам нужно только одно разрешение, и это разрешение мое. Нас всех чуть не перебили. Пять минут назад нас была сотня, а теперь не наберется и двадцати. Это хорошо, что они нас потеряли. Половина моих людей погибли в двух кварталах отсюда, прикрывая наше отступление. Сифеас оказался удивительно расторопным. Мы недооценили его. За каких-то два часа он захватил город. Скоро, то же самое будет в Терчи и Мидасе. У гаденыша был план. Паук помогает ему.

– А как же ваши гарнизоны? – осторожно спросил Приот.

– Предали, – ответил Маер. – Не наберется и четверти командиров, сохранивших мне верность. А ты думаешь, от кого мы сейчас драпали? Вчера они с обожанием ловили каждый твой взгляд, а сегодня сами бросают в тебя копьа. – Маер схватился за руку, и простонал сквозь зубы. – Я ранен. Зови своих врачей. Плечо копьем вспороли, кость задели. Эламир, и ты здесь?! – только заметил он мальчишку. – Вот тебе и Харпа, парень. Веселенькое время ты застал. Бедный Эмистан, как же так вышло? Такого человека потеряли...

– А как там Леман? – спросил Эламир. – Он был с вами?

– Плохо, – поморщился Маер, убрал руку от раны, и смахнул упавшую на глаза челку, пачкая волосы собственной кровью. – Очень плохо. Сначала мы держались вместе, но потом решили отступать порознь. Я прорвался к западному крылу, а он с Харумом отступил в южную

часть города. Харум, я слышал, смог пробиться к кораблям, и отплыть, а отряды Лемана отсекали от моря. А вообще никто ничего не знает. Паника. В городе страшные беспорядки. Откуда только взялась вся эта нечисть? Громят лавки, портовые склады, врываются в богатые дома и грабят, грабят, грабят... Слышишь, ты, – обратился он к начальнику стражи. – Размести моих людей. Дай им умыться, и пусть прислуга постирает им одежду. Они все пропитаны потом и кровью. Почти все ранены. Чембер и Дарк на ногах не стоят. Чемберу топором рассекли три ребра – вот так. – Он показал Эламиру на себе, как именно. – Когда Дарк перевязывал его, в спину ему воткнули копьё. Вот сюда, чуть выше лопатки.

– Мне очень жаль, – произнес Эламир.

– Пожалей себя парень, – усмехнулся Маер. – Когда они ворвутся сюда, для каждого из нас у них найдется по копыю и топору. Оставаться здесь долго нельзя. Людей тут хватает. – Он посмотрел по сторонам и со злостью сжал кулаки. – С темнотой попробуем вырваться из этого капкана. Дарк! Поднимите кто-нибудь Дарка! Дарк славный воин, он скоро очухается, и тогда Сифеас узнает на что еще способны тигры Маера. Солдаты, вот он наш герой. Берите с него пример...

– Эрл Маер, – сказал Приот, – вы можете покинуть крепость, когда вам будет угодно, но ни один мой солдат не выйдет за ворота замка. У нас особый приказ и мы будем удерживать эти позиции на сколько хватит сил.

Маер снова взялся за руку, его красивые голубые глаза сузились от боли и ненависти.

– Мы об этом еще поговорим.

Глава 8

Весь день прошел в тревоге и ожидании. Эльза почти не отходила от окна. Она выбрала себе несколько книг из библиотеки Харума, но читать не получалось. Ей мешали крики, которые все чаще доносились с улицы, и собственные беспокойные мысли.

Акха все время звала Приота и справлялась о новостях, но пока ничего к сказанному он добавить не мог. Видимо от сочувствия, или ему просто надоело бегать вверх-вниз по лестницам, но чтобы как-то отвлечь детей от маеты и мрачных мыслей он прислал к ним двух престарелых прислужниц, которые знали все закоулки замка, и могли часами рассказывать о его истории.

Одна из них – худая, длинная и очень живая старушка по имени Алессия знала про все картины, которых в коридорах и залах было больше тысячи. Рассказывала она с неподдельным интересом. Чаще всего останавливалась возле полотен, на которых были запечатлены древние баталии, невообразимые по своим масштабам и детализации.

«Вот здесь, владыка Квин Басил сражается с горцами, – рассказывала она. – Это все было на самом деле. Клан «Ледяных воинов» напал на его отряд, когда он хотел добраться до Бескрайнего моря, через восточный хребет. С Квином было только сто воинов, а горцев больше тысячи, но мы все равно их одолели. Вот видите, как храбрый владыка одним ударом срубает сразу пять голов».

Нирон усмехнулся и посмотрел на брата, но Акрон сделал вид, что не заметил этого взгляда. Он не хотел поддерживать Нирона в его уверенности, что они находятся среди врагов.

«А вот здесь Фараон Басил, – продолжала Алессия. – Видите он лично казнит вождей из «нижних» кланов, которые объединились, чтобы напасть на Тигу. Это такой старый город, сейчас его уже нет... Вот на коленях стоит вождь «Острых камней», а вот этот с головой волка на плече, это «Голодные волки», за ним вождь «Бессмертных», а вот скалится главный из клана «Горных котов». Про него я потом могу рассказать. На этой стене мы деремся только с горцами, а там дальше будет интересней. Мы воевали с Желтыми Мирами, и даже с метрийцами. А вот тоже интересная картина. Схватка в Ущелье мертвых. Владыка Авирион Басил, родоначальник Басилов, дерется с Тагормом, вождем племени Орлиных когтей. Орлиные когти один из самых древних и жестоких кланов, но он исчез еще тысячу лет назад. Авирион убил последнего из Орлиных когтей. По преданию тысячу лет назад был такой же звездопад, как и у нас, но только один раз, всего одну ночь. И в племени родилось два близнеца. Они должны были объединить все горные кланы. Но Орлиным когтям предстояло доказать, что они достойны быть первыми среди горцев, и защищать этих братьев. В последней битве Орлиные когти потеряли больше половины своих воинов, и Тагорм решил, что братья для них непосильная ноша. Племя решило убить близнецов, но они сбежали. Они заблудились, видимо, поднялись высоко в горы, и там замерзли.

Самое печальное в этой истории, то, что через месяц, после их побега, к Орлиным когтям с высоты спустились воины от двадцати кланов, и сказали, что отныне будут защищать близнецов вместе с ними. «Пусть они объединят нас» – говорили они. Но близнецов уже не было. Тагорм поклялся, что найдет их, и искал двадцать лет. Он обошел все горы, и наконец, спустился в Бескрайнюю долину, как они называли Пятигорье. И в Бескрайней долине, как теперь мы знаем, его и убил храбрый Авирион.

Братья снова переглянулись, но во взгляде Нирона больше не было укора. Оба мальчика были растеряны, удивлены и даже испуганы.

– Так вы говорите, это было тысячу лет назад? – удивляясь не меньше их, спросила Акха.

– Да, – подтвердила Алессия. – И картина эта очень старая. Только у нас она висит уже больше трех сотен лет.

Акха заметила, что теперь Акрон смотрит на другую картину. Выражение лица его вдруг переменялось: стало бледным и печальным. Она еще не услышала его мыслей, но резко, до холода в груди почувствовала боль чужого сердца, тоску и горечь утраты.

Акха подняла подсвечник, который держала в руках Алессия, и осветила картину целиком. Там была нарисована девушка. Красивая полуобнаженная, в разорванной одежде девушка с бледным уставшим лицом, и длинными черными волосами, ниспадающими на расцарапанные плечи и грудь. Она была нарисована со спины. Оглядываясь в пол оборота, казалось, ловит каждый оброненный на нее взгляд. Вокруг нее был снег, и по этому снегу она что-то тащила.

– Кто это? – спросила Акха.

– Это очень странная картина, – ответила Алессия. – Полтора века назад в замке несколько дней ночевал какой-то молодой художник. Он должен был рисовать племянниц Тиграна Басила. Днем он рисовал девочек, а по ночам вот ее. – Она кивнула в сторону картины. – Эта бесстыжая голая женщина стала сниться ему, после того, как он увидел «Схватку в ущелье смерти». Вот эта вот, я показывала ее. Женщина эта тоже из горцев. Она совершила страшный грех – убила своего мужа. Зарубила топором. За это, по приказу вождя, жены старейшин избили ее палками, разорвали на ней одежду, и заставили тащить тело мертвого мужа на вершину ближайшей горы. По пути она замерзла, и на том месте, где она упала их и сожгли. Сначала сожгли ее, чтобы она забрала все их общие грехи, а потом его, чтобы он зашел в мир мертвых, уже чистым.

Художник просил, чтоб картину повесили именно здесь, но никто, конечно, не стал удаивать, эту бесстыжую, чести висеть среди таких важных особ, и полвека она пылилась в подвале северной башни, где мы храним старые книги, чучела, и поломанные скульптуры. Но томен Варекис Басил, там дальше будет его портрет, после того, как мать запретила ему жениться на вдове варда, убитого им на тайном поединке, на зло ей все-таки повесил здесь эту картину. – Алессия подняла свечу еще выше. – Говорят, его мать была чем-то на нее похожа. Ну что, идемте дальше? – Она отошла от стены, и, пропустив несколько полотен, подошла к противоположной стене и остановилась возле большой, вытянутой в высоту картине.

– А это знаменитый Атулий Басил и шестеро его этионов, – сказала она с гордостью. – Они стоят на холме, и смотрят на бранное поле, заваленное трупами врагов. В небе кружат тучи воронья, но солнце пробивается сквозь тьму. Светлый луч падает на чело владыке, как бы благословляя его. Это первая победа Атулия над непокорными народами Теплых островов. Здесь не видно, но за их спинами море. Художник сделал наброски, сидя на мачте корабля. – Алессия оглянулась, и поняла, что рассказывает это только своей подруге, такой же старой, худой и надменной служанке, и двум стражникам, с хмурыми безразличными лицами. Дети остались возле картины с девушкой убийцей. Смотрели на нее, не отрывая взгляда, и молчали. Стало совсем тихо, только всхлипывал Акрон, и несколько раз скрипнули стыковые пластины лат, на руках у стражников.

Акрон вытер лицо рукой, и ладонь стала мокрой от слез. Он провел ладонью по полотну, и тогда избранные впервые услышали его голос.

– Найя, – еле слышно прошептал он, осторожно касаясь пальцами ее лица и волос. Потом схватился двумя руками за узкую резную рамку, и с усилием сорвал картину со стены.

– Что ты делаешь?! – возмутилась Алессия. – Здесь нельзя ничего трогать!

– Можно! – уверенно возразила ей Акха. – Пусть берет. Она его.

Старуха посмотрела на одного из стражников, и тот, сохраняя на лице прежнее безразличие, еле заметно кивнул.

Алессия сжала кулаки, опустила голову, и с трудом подавляя возмущение, прошептала:

– Как скажете, мейси.

Потом детей отвели в специальный зал, где было множество каменных изваяний владык правящих всем Пятигорьем на протяжении тысячелетий. На самом видном месте стояли две высокие фигуры. Из белого гранита были высечены владыки Харпы и Схалы. Еще молодой самоуверенный Элинонор Басил, и рядом совсем юный добродушный и даже скромный, Талин Ротрик. Оба они держались за рукоять одного, воткнутого в камень меча, и гордо смотрели вперед. Памятник олицетворял военный союз двух великих Миров. Когда-то постамент стоял в зале родового дворца Басилов, но после смерти отца, Эмистан приказал убрать его с глаз долой. Он просто не мог спать спокойно, когда рядом с мечом в руках стоял Талин Ротрик. Так оба каменных владыки оказались в коллекции Харума Адия.

– А этого я знаю, – сказала Акха, останавливаясь напротив «паука». – А он и в молодости был хитрым. Думаете, он как бы смотрит на Элинора? – нет, он озирается, краем глаза косится назад – кто там из врагов уже подбирается. Никому не доверяет. У Элинора рука расслаблена, а этот вон как плечо рукояти сжал – власти хочет. Давно ее ждет.

Затем детям показали экзотических птиц – живых, и вырезанных из дерева и разукрашенных. Их держали на верхнем этаже чертога, в котором находились покои самого Харума Адия. На самой крыше была цветочная оранжерея.

Эламир и Мия задержались возле пышных цветов с яркими бутонами, источающих невероятный сладкий аромат.

Мия проводила взглядом Акрона, который аккуратно нес свою картину, трепетно прижимая к груди.

– Думаешь, это и в самом деле их мать? – спросила она у Эламира, не глядя на него.

– Думаю, что она.

– Женщина, которую сожгли тысячу лет назад? – Ее черные, будто нарисованные углем брови, удивленно приподнялись.

– Для них это было вчера.

– Но это не так, и это странно.

– Теперь все странно, – ответил Эламир. – И этот цветок, тоже очень странный. Стебель один, а бутоны разного цвета. Я такого никогда не встречал.

– Он тебе нравится? – спросила Мия.

– Да, он красивый.

– Этот цветок с моей родины, – сказала она. – Его называют Душой эфионы. А вот этот синий, возле нее, называют Любовником. Ни один другой цветок не сможет вырасти рядом с ней. Но и он держится на расстоянии. Эфиона сильная, гордая, и одинокая – ей никто не нужен.

– Никто? – уточнил Эламир.

– Никто, – повторила она.

– Понятно, – сказал он, развернулся, и побрел вслед за остальными. Ему почему-то уже не нравились все эти цветы. «Зачем здесь все это? – думал он. – За стеной кричат и убивают, а тут... Нет, все это не правильно, как-то лживо...»

– Эламир! – окликнула Мия.

– Да, – оглянулся он.

– Это просто такие цветы, – улыбнулась она ему.

– Наверное, – ответил он ей так же с улыбкой, и цветочные запахи снова ударили в голову.

Глава 9

Когда за окнами начало темнеть избранные вернулись к себе. Во всю горел камин, освещая большую часть комнаты. Алессия хотела зажечь свечи, но Акха сказала, что это лишнее, и намекнула, что у Лемана в это время они уже ужинали. Как только прислужница вышла, к ним в гости нагрянули эрл Маер, в компании начальника стражи и еще двух военных, которых Акха запомнила еще утром, когда провожала Харума Адия.

– Славно устроились! – воскликнул с порога Маер. – Славно! Пустите нас к себе? Хоть у камина обсохну. Рубашку постирали, до сих пор мокрая. Кровь с рукава так и не отмылась. – В правой руке он держал кувшин, и показывая отогнутым пальцем на раненую левую руку, подвязанную к шее веревкой, пролил на рукав немного вина. – Проклятье! – выругался он. – Как с утра началось...

– Проходите эрл Маер, – сказал Эламир. Он сразу заметил, что эрл хочет казаться пьянее, чем на самом деле, и подумал, что так ему легче прятать неуверенность и тревогу, которая довлела сейчас над всеми.

– Только если новый комендант дозволит, – сказал Маер с иронией в голосе, и посмотрел на Акху.

– Прошу, – пригласила их Акха.

Маер молод и хорош собой. Эламир знал, что этот смелый и острый на язык советник нравится Акхе. Она сама, ни раз, называла его умным и добрым, поэтому Эламир поразился той холодности, с которой она предложила им войти.

Гости сели за дубовым резным столом, недалеко от камина.

– Мы будем сейчас ужинать, – сказала Эльза. – Скажите, чтобы вам тоже принесли. Поедим вместе.

– Мы ненадолго, – произнес Приот.

– Славная девочка, славная, – сказал Маер, глядя на Эльзу, отпил немного из кувшина, поморщился и вздрогнул. – И чем сегодня кормят?

– Повара сказали, будет утиный суп и жареная рыба, – ответила она. – А еще они пекут ржаной хлеб.

– Рыба и ржаной хлеб, – повторил за ней Маер. – А поесть, значит, ничего не принесут? – Он снова отпил из кувшина и поежился. – Ухх крепкая дрянь... Ну ладно, поедем вместе хлеба... И давно вас здесь голодом морят?

– Нас хорошо кормили, – возразила Эльза. – А вообще мы здесь первый день.

– День, – повторил он, задумываясь о чем-то своем. – Такие дни идут за двадцать лет жизни. Эмистан мертв, от всей моей армии осталась кучка калек. Город занят врагом. С рассветом начнется штурм. У Сифеаса пятнадцать тысяч солдат. Все они завтра будут под нашими стенами. Завтра к вечеру, а может и раньше крепость падет. Всех ее защитников повесят. У нас есть один шанс. Пока еще есть, но скоро уже не будет. – Начал он говорить медленно, вяло, но постепенно распался, в глазах появлялся огонь, а в движениях резкость. – Как только стемнеет нам надо собраться в единый кулак и пробиться к восточной части города. Мы уже в кольце, но они растянуты – пока. Если выйдем сейчас, то столкнемся с ничтожной частью той силы, которая будет здесь завтра. Они не знают откуда мы начнем прорыв. На нашей стороне внезапность. Один уверенный нажим и мы прорвем это кольцо. Через час окажемся за городом, потом снова на восток, встречаем армию Астаера, и уже через три дня идем обратно под его знаменами. Через неделю – мы снова здесь. Только на это раз сила будет на нашей стороне.

– Вы думаете, они смогут ворваться сюда уже завтра? – спросила Эльза.

– Конечно, – сказал Маер. – Штурмовики всегда были особенно напористы. Их атаки яростны и стремительны. В обороне они бесполезны, но стоит поднять флаг, крикнуть: вперед, и тогда... Ты не видела, как с гор сходят снежные лавины?..

Девочка отрицательно pokrутила головой.

– Эта крепость неприступна, – потупив взгляд, произнес Приот. – Серебрянные конечно предпримут все что могут, но... штурм крепостей не самая сильная их сторона. Столкнись мы с ними в чистом поле, я бы сказал: вы правы, но тут... Никому еще не удалось прыгнуть выше собственной головы, эрл Маер.

– Им не надо прыгать, – снова устало возразил эрл, – у них есть лестницы.

– У них ничего не выйдет. Замок пережил четыре осады, и ни счесть атак. Те, кто пытались перелезть через стену, заливали ее собственной кровью. Она густела и твердела на солнце. Ее было так много, что стыков между камнями не видно. Пусть лезут. Наши стены будут только толще.

– Ты похож на ребенка, который думает, что у его папы самый большой меч, и самый тяжелый щит. Ты засиделся за этой стеной. Поверь малыш, бывают крепости побольше этой.

– Я знаю...

– И стены там выше и крепче, – продолжал Маер. – Вспомни ту же Ромулу, дальнейский гарнизон. Что было, когда Натии дрались за трон. Баур Натий и десять тысяч солдат тоже думали, что стены спасут их. Два дня понадобилось Карту, чтобы подавить мятеж. Хватило всего пять катапульта, чтоб пробить брешь в стене. Просто надо знать, куда бить. Сифеас найдет слабое место. А не найдет, Ротрики подскажут.

– Эрл Маер, – тихо, осторожно, будто извиняясь за свои слова, произнес Приот. – С катапультами здесь им будет трудно.

Маер отхлебнул из кувшина, крякнул.

– Тебе нравится спорить со мной, да?

– Я не спорю, – ответил стражник. – Просто у меня есть вышестоящий командир, которого я не имею права слушаться. Если мейси Акха прикажет выступить, мы сделаем это сию же минуту.

– В военное время ты должен подчиняться эрлу!

– Я должен подчиняться вышестоящему командиру, – возразил Приот. – И если бы на месте мейси Акхи, оказался военный, или даже любой гражданский чиновник, вы имели бы полное право ему приказать, а уже он приказал бы мне. Я не спорю, решение Харума Адия меня тоже удивило. Но спорить с приказами хозяина не в моих правилах. Этот случай не прописан в уставе. Впервые начальником гарнизона назначен управляющий, который никому не подчиняется. Она даже не гражданин Харпы. Формально, ей не может приказывать даже владыка. Для этого ему сначала надо официально принять ее в Мир, либо выдворить за границу Харпы.

– Это какая-то ерунда, – закатывая глаза, произнес Маер. Откидываясь на стуле, он тяжело выдохнул, и стал барабанить пальцами по столу. – Из-за какой-то глупой ошибки в законе эрл не может отдавать приказы.

– Думаю, Харум Адий знал об этой ошибке, – сказал Приот. – Смутное время эрл Маер. Хозяин всегда был подозрителен к людям обличенным властью, и старался контролировать их влияние, не зависимо от того враги они или друзья. Разве что только эрл Леман был в исключительном положении. На случай его появления мне необходимо будет вскрыть особый пакет.

Маер усмехнулся.

– А Леману, значит он доверяет. Леман всегда был на особом счету. Конечно, приди он сюда, ему не пришлось бы с тобой глупцом спорить.

– Скорей всего да. – Ни чуть не обиделся Приот.

Маер помолчал, и развернулся всем телом в сторону Акхи.

– Вот такие вот повороты судьбы, милая девочка, – сказал он с улыбкой. – Вчера я катал тебя на одном из своих кораблей, и думал, как бы вам всем не свалиться за борт, а сегодня у штурвала стоишь ты. Не легкий груз взвалил Харум на девичьи плечи. Но нужно принимать решение. Теперь все зависит от тебя.

– Я должна принять решение? – холодно спросила она.

– Правильное решение, – поправил он ее, все так же улыбаясь.

– Мы остаемся в замке, – ответила она.

– Подумай еще, – попросил эрл, меняясь в лице. – Здесь нельзя оставаться. Верная гибель. Подумай о своих друзьях. Посмотри на арпийку, посмотри на этих вот братьев, посмотри на Эльзу, она ведь совсем еще кроха. Ее смерть будет на твоей совести.

– Не дави на меня Маер, – все так же степенно произнесла Акха. – Я тебе уже сказала: нет.

– Вообще-то, обращаясь ко мне надо говорить: эрл Маер, – рассерженно бросил он.

– Я подумаю об этом, – ответила она. – У тебя все?

– Да что с тобой, Акха?! – возмутился Эламир. – Зачем ты так с ним?

– На то есть причина.

Маер поднялся из-за стола, за ним встали и все остальные.

– Собственно за этим мы и приходили, – сказал Приот, немного смущенный, но явно обрадованный решением Акхи. – Все что хотели услышать, мы услышали. От себя, если вы позволите мейси Акха, добавлю: вы приняли правильное решение: крепость мы не сдадим. Стражники откланялись, Маер немного постоял в раздумье, и снова уселся на стул.

– Я забыл, мы ведь ужинаем сегодня вместе.

На выходе Приот оглянулся:

– Эрл Маер, в коридоре дожидаются пятеро ваших солдат. Вы бы дали им отдохнуть. Здесь вы в безопасности, уверяю вас. Вам не стоит повсюду водить их за собой. Может, мне следует их отпустить?

– Ты и здесь мне будешь указывать? – огрызнулся эрл. – Мои телохранители всегда ходят со мной. Уйдут, когда я этого захочу. И еще, напоследок, запомни Приот. Я не злопамятный человек, но того, как ты поступил со мной сегодня, я не забуду. Ты мог бы поддержать меня, но решил поиграть в верного долгу дурочка. Все законы, все старые правила погибли в Кругу смерти вместе с нашим владыкой. Сейчас играют роль только симпатии и антипатии. Твой поступок я понял. Что ж, жди ответа.

– Я не понимаю, о чем вы? – удивился Приот.

– Ты понимаешь, – показывая свои белые зубы, произнес Маер. – Можешь идти. И окажи мне услугу: пока я здесь, мне бы хотелось видеть тебя пореже.

– Ну вот, – печально выдохнула Эльза, когда за стражниками закрылась дверь, – все перессорились.

– Да-а, – протянул Маер, – не успеешь запнуться, а по тебе уже топчутся. – Он посмотрел на необычно серьезное лицо Акхи, и усмехнулся ей. – Мне стало интересно... Мне казалось, мы с тобой отлично поладили. Ты в самом деле мне нравилась. Сейчас уже нет, но тогда нравилась. Что же случилось? Что заставило тебя так перемениться ко мне? «На то есть причина» – повторил он слова Акхи. – Интересно ты сказала. Может, объяснишь.

– Ты должна была посоветоваться со всеми нами, – с упреком произнес Эламир. – Я, например, считаю, что эрл Маер прав. Нам надо вырваться из города, пока есть время. Кто знает, может, так же как мы на Восток будет прорываться и Леман. Может, ему нужна наша помощь?

– Такая вероятность есть, – с прискорбием сообщил эрл. – Но эта трусиха нас не слушает. Акха из тех, кто пытается переждать наводнение в погребе, а пожар на чердаке.

– Эрл Леман? – удивилась Эльза, когда услышала его имя. – А ведь он точно направится на Восток. Эламир прав. Акха мы должны выступить! Сейчас же! Мы должны помочь ему!

– Эльза, – с теплотой в голосе произнес Маер. – Ты смелая славная девочка. Такая маленькая, и такая бесстрашная. В тебе есть решительность, которой позавидует каждый в этой комнате. Акха, как ты думаешь, почему карты всегда так странно ложатся на стол. Как причудлива игра Того который знает. Час, когда люди по настоящему начинают ценить жизнь, не редко оказывается для них последним. Тех, кто мечтает о тепле находят замерзшими. Кто боится жажды, проснется в знойной пустыне, а тот, кто получит власть – не захочет, не станет использовать ее для общего блага.

– Я не просила ни о какой власти, она мне не нужна, – выпалила Акха. – Я вовсе не трушу. Остаться здесь не только моя идея. Так хочет Мия, и так хотят братья. Четверо против двоих, за то, чтобы остаться в замке.

– Ты их спросила?

– Мне это не нужно. Я их слышу.

– Ах вот так, – усмехнулся Маер. – А то, чего хочет Эламир, о чем прошу я, или Эльза – не важно?

– Вас меньше. И даже, если бы вас было больше, решать все равно мне. Так хотел первый советник.

Маер прикрыл глаза рукой и еле слышно посмеялся, усталым нервным смехом, порывисто хрипя и дрожа плечами. Трудности возникали там, где их не должно было быть вовсе. Он чувствовал себя запертым в неглубокой пещере с обвалившимся входом. Выход надо попытаться расчистить до того, как кончится воздух, но все свое время он тратит лишь на то, чтобы отгонять сбесившуюся опасную осу.

Опустошив кувшин до конца, эрл поставил его горлом вниз, потом сдвинул в сторону, и вытер пальцем несколько капель, неторопливо размазывая их по столу.

– Все перевернулось с ног на голову, – усмехнулся он. – А вода, как и раньше течет сверху вниз. Как-то обидно. Все погибло, все в руинах, а это Он не тронул. Раз уж Тот который знает решил разрушить мою жизнь, то пусть рушит весь свет, со всеми своими глупыми правилами. Солнцу давно пора погаснуть, Бескрайнему морю протухнуть, а небу самое время упасть на Землю и раздавить всех перепуганных глупых людишек. Нашим страданиям, жестокости, всем воинам нашим одно лишь было оправдание – мы должны были создать новый Мир. Должен был родиться человек разума, человек бескорыстия, человек чести, и что же в конце концов у нас роилось? А получилось так, что опять родился Сифеас. Я не хочу этого, но таковы правила – после дня приходит ночь, после Эмистана Сифеас. Сифеас станет нашим новым владыкой. – Маер вздохнул. – Леман всегда верил в то, что люди станут лучше, верил, что кто-то, потом скажет ему спасибо. А я вот как-то начал сомневаться. Давно уже... Леман смотрит на жизнь сквозь цветные стеклышки, а я предпочитаю естественные цвета. Очень блекло и тоскливо, но честно.

Когда он привез вас сюда, я не мог в это поверить, пока не увидел сам. О Тот который знает и все родившие тебя боги. – Маер посмеялся, и устало улыбаясь, закатил к потолку глаза. – Все в одночасье сошли с ума. Какие еще избранные? Какая еще, к Тритону, война со злом? Как о таком вообще можно говорить с серьезным лицом? Вам самим не смешно? Простудился видно Леман где-то там, на диких ветрах. Это какая-то массовая истерика. Он заразил этим всех. К счастью я не подцепил эту хворь. Все дело в красном соке. Стебли красного лопуха лечат голову от путаных мыслей. Да-да, мне тут посоветовали. Пил бы настойки как я, тога... – На несколько секунд он замолчал, окинул быстрым взглядом, молча слушающих его детей, и подозрительно произнес: – Вы славные ребята. Правда, славные. Я надеюсь, мы говорим на одном языке? Вы ведь понимаете: разговоры о том, что избранные, то есть вы, спасете свет от какого-то там зла, сила комет, армия мертвых, и вся тому подобная ерунда,

просто фантазия его больного рассудка! Боги, вслух, это звучит еще нелепей, чем в голове. Хе-хе... О Тот который знает, верни людям разум! Вы вдруг понадобились всем: этому вездесущему... этому придворному любимчику Леману, с его нелепыми идеями, проектами, успех которых можно объяснить только случайностью, каким-то фатальным идиотским везением. Вы вдруг стали нужны Харуму. Этому хитрому, скрытному, постоянно копающемуся в твоей голове червяку. Он ведь не слушает тебя, он считает. Каждый твой ответ всего лишь цифра в длинном примере под названием «ты сам». Каждый раз он его пересчитывает и выводит новый ответ. Один опрометчивый шаг и все твои плюсы станут одним бесконечным минусом. А теперь вы стали нужны... А теперь вы вдруг понадобились этому слепому... этому... – Он вдруг замолчал. Чтоб немного успокоиться, опустил глаза, и с присвистом выдохнул, сквозь плотно сжатые зубы.

– Кому еще мы понадобились? – спросила Акха.

– Никому. Нет, больше никому, – снова, как ни в чем не бывало, улыбнулся он. – Я выпил слишком много этой дряни, – скривился он, покосившись на кувшин. – Просил вина, а принесли эту гадость. В голове кисель, заболтался я с вами; мысли наружу прут, как мухи, через дырявую занавеску, зато рука не болит.

– Вы проболтались эрл, – подозрительно произнес Эламир. – Так кому же все-таки мы еще нужны?

Маер пожал плечами, но пророка это не убедило. Встревоженный голос Эламира вновь раздался в нависшей вдруг тишине.

– Акха, о чем он сейчас думает? – спросил он, пододвигаясь к столу, пытаясь рассмотреть Маера получше.

– Если б я знала, – посетовала Акха. Такого ответа Эламир ожидал от кого угодно, только не от нее.

– А я думал, ты все знаешь, – иронично заметил Маер. Некоторое время девочка испытующе рассматривала его глубокие голубые глаза, наблюдала за поворотами головы, и движением губ, но ни взгляд, ни мимика не выдавали волнения. Акха обратилась к Эламиру:

– Мы не можем ему верить. Он изменился. Я заметила это, как только он вошел. Я больше не слышу его... – значительно произнесла она. – И серебрянных, которые пришли с ним, тоже не слышу. Они стояли у восточной башни. Решила, что мне показалось, но нет. Может, они здесь и не причем, и я теряю свой дар просто, потому что время его пришло, но скорей всего дело все-таки в них. Ведь вас я слышу, и Приота слышу, и солдат на стене слышу, а этих нет. Эрл Маер, признавайся, что ты нацепил на себя – браслеты, кольца, амулеты?.. Кто дал тебе их? Тот слепой старик, который приехал сюда вместе с Талином Ротриком?

– Какой еще старик? – удивился эрл.

– Ты знаешь о ком я. Ты проболтался. Твои руки выдают тебя. Ты сжался. А уши покраснели – верный признак. Ты что-то прячешь.

– Неужели покраснели? – тонкие пальцы Маера помяли пушистую мочку уха. – Придумываешь?

– С кем ты Маер, – обескуражила Акха прямым жестким вопросом.

– С самим собой, – ответил он, и поднялся на ноги. Но стоять было не просто. Его качнуло в сторону, и чтоб не упасть, пришлось упереться рукой в стену.

– Ух-ты, – удивился он своему состоянию. – Такая вот неожиданность. Пил, пил, и вдруг напился. – Обведя взглядом всю компанию, печально произнес: – Вы славные детишки. Мне жаль, что все так глупо срослось. Но так бывает. Жизнь грубый не отесанный булыжник, из которого не выточить скрипки. Сидишь в тепле и уюте, весь такой изысканный, тонко чувствующий, душа нежная, как усики у кузнечика. А в голове рождается мелодия – неповторимая, нежная и беззащитная, как пальцы младенца. Ткется, как сложный витиеватый узор на ковре. Стол, бокал вина, мерцает свет свечи, а под рукой чертежи нового корабля. И хочется

сделать его таким же неповторимым, сложным и гармоничным, как эта мелодия – туру-туту-туру – туру... – напел он, копаясь в памяти. – И все так прекрасно, и так хочется самому быть прекрасным, и совершить для всех большое чудо. А потом бац! И конец. И ты уже бьешь кого-то молотом по голове. А потом тебя... А потом снова ты... Почему? – Маер высоко понял плечи, и удивленно потряс головой. – Куда, когда все делось? И все трещит, и кругом кровь, и чьи-то мозги, и какие-то обломки костей, и еще что-то липкое с волосами... Как это могло случиться, ведь ты другой, ты умный, славный, ты тот с чертежом... Тот, который для всех, а ни это тупое, вопящее, человека-подобное чудовище. Которое хочет только выжить. Готовое перегрызть горло любому, только бы выжить. Выжить для себя. Выжить и больше ничего. Ничего мы не можем с этим поделаться. Вот он ты настоящий. Самый настоящий. А того, с кузнечиками и узорами, как оказалось, ты просто придумал. Потому что так удобно. Но жизнь заставит тебя стать честным. Жизнь, свинойрылая старуха, с копытами вместо рук, и к каждой роже она поднесет зеркало, чтобы мы, наконец, увидели свое мерзкое отражение. Сухая, бесчувственная. Да, – погружаясь в себя, заключил он. – Жизнь не солнечный зайчик... Прощайте, мои милые, славные друзья. Жаль, что так сложилось. Все могло бы быть иначе. Прости Акха, но ты не оставила мне выбора.

Не твердым шагом Маер направился к выходу. Эламир отошел в сторону, давая ему пройти.

– За что же вы извиняетесь эрл? – спросил он, но Маер не ответил; он вышел из комнаты, дубовая дверь за ним подалась назад, но черный солдатский сапог не дал ей закрыться. В проеме двери показался край кольчуги, одного из телохранителей эрла.

– А вот это все очень плохо, – заметил Эламир. – Я ничего не понял, что он там говорил, но мне все это не понравилось.

– Зачем он так плохо говорил про Лемана? – задумчиво произнесла Эльза, разглядывая тень от солдатского шлема, упавшую на пол. – Жалко, что он сам ушел: я хотела его прогнать. А я, глупая, его еще на ужин звала...

– Надо попробовать закрыть дверь, – прошептала Акха. – Я вытащу из камина кочергу, и обожгу этому солдату ногу. Он дернется, навалимся вместе на дверь, и задернем засов.

– Не выйдет, – предупредил Эламир. – Дверь держат двое.

– Зачем держат? – не поняла Эльза. – Они ведь сейчас просто уйдут и все, да?

– Эльза, отойди от двери, – приказным тоном произнес Эламир. Девочка хотела возразить, но в его взгляде было что-то такое, что заставило подчиниться. – Иди дальше, к окну. Акха, Мия, встаньте за моей спиной. Акрон, ты с братом, тоже, спрячьтесь вон там, за шкафом...

Оставив избранных, Маер прошел мимо пятерых своих телохранителей, и скоро оказался возле лестницы с широкими ступенями, где дожидались еще трое серебряных. Его походка вновь обрела твердость, но взгляд оставался мутным, растерянным, выражение лица выдавало внутреннюю борьбу. Подойдя, к одному из своих людей – высокому, крепкому хотя, и не молодому воину по имени Шеран, он остановился.

– Постарайся, чтобы они не кричали, – сказал эрл. – Сам знаешь, какие у них сейчас голоса. Сначала девчонок, потом мальчишек... И не входите по оному, лучше все вместе...

– Не волнуйтесь эрл, сделаем все быстро, – сказал Шеран, дал знак двум другим, чтобы следовали за ним, но Маер придержал его.

– Я не буду вас ждать. Мы спустимся по веревке с северной башни, и уйдем, а вы идите к южной...

– Я все помню эрл Маер. – Он снова дернулся, но хозяин все еще держал за предплечье. Лицо Маера вдруг скривилось, будто его заставляли съесть что-то противное: горькое и с неприятным запахом.

– Только пусть не кричат...

– Хорошо.

– Не делай им больно. Так вот, чтоб рас, и все. Сначала... Сначала, наверное, все-таки девчонок, да?

– Конечно.

– Все правильно... Ты все помнишь... А кого вы убьете первой? – спросил он задумчиво. Шеран вопросительно посмотрел в ответ. На разговоры времени у них совсем не было.

И разговоры эти были какими-то странными.

– Первой убью арпийку, ту, которая с косой, – с ноткой недовольства ответил он.

– Арпийку, значит. Может быть, да. Она такая молчаливая, знаешь...

– Мне не нужно этого знать эрл.

– Да-да... Там есть Эльза... славная такая Эльза. Может быть, не стоит ее... Просто оглуши, и все... и пусть лежит...

– Эрл, если прикажете, я могу всех их только оглушить.

– А я не могу, – сказал Маер. – Ты прав, глупости все это. К Тритону кузнечиков. Хватит врать самим себе. Мы те, кто мы есть. Всех, значит всех. До чего же мерзкая эта жизнь...

Глава 10

«После поединка, – говорил Леман Алю, – ты сразу отправишься в Белый замок Харума к избранным. Нигде не задерживайся, на улицах не мелькай. Если тебя кто узнает, слух пронесется сразу. Сейчас охотников за твоей головой в городе, как гнилых зубов в ведре у зубодерга. Они знают все места, где ты можешь появиться. Так что и не думай возвращаться к себе в Красный замок, забудь про меня, и про Астаера, и к отцу во дворец один не суйся. Вечером и я подтянусь к старику, там и решим, как быть дальше. Ты все понял? Я ведь не сделал ошибку, когда решил взять тебя с собой, правда?»

«Если бы ты не взял меня, – отвечал на это Аль, – я бы пришел сюда сам».

В сопровождение Алю эрл выделил троих своих бородачей. Их задача повсюду следовать за ним; находясь, не очень близко, чтоб не выдать, и, вместе с тем, не очень далеко, чтобы в нужный момент прийти на помощь.

Как и томена, охранников облачили в просторные, песочного цвета плащи, с глубокими капюшонами. В таких часто ходили заезжие на рынок фермеры и рыбаки. Теперь в толпе их было не различить. Кольчуги, мечи и топоры были надежно укрыты от чужих глаз.

За боем Аль наблюдал с нижних трибун. Все закипало внутри от злости и обиды, когда профессиональные поединщики Ротриков без особых усилий, и с невероятной жестокостью расправились с гвардейцам Басилов. Он видел, как Леман спорил на балконе с отцом, а потом сбежал с лестницы, отнял у последнего гвардейца меч и вошел в круг, вместо него. Леман для Аля всегда был воплощение бесстрашия, ловкости и силы. В глазах Аля, он непобедим, почти бессмертен, и он никогда не понимал отца, Харума, или того же Астаера, которые всегда пытались оградить эрла от любой возможной опасности. «Леман созидательная сила, – в один голос твердили они. – Это в нем главное. Леман должен придумывать, создавать и строить; растрчивать его живой ум, и интуицию на что-то еще, все равно, что древней арпийской вазой бить мух на стене». Но Аль так не считал. «Трудяг в Харпе всегда хватало, – думал он. – А справиться с поединщиком, с двумя, с тремя сразу – вот особый талант. Быть лучше, сильнее других. Снова и снова побеждать. Доказывать свое превосходство в каждом бою – рискованно, смело, и по-настоящему важно».

Все, кто вышли против Лемана в этот день, расстались с жизнями. И это еще раз убедило Аля, что он прав. «Если бы Леман дрался первым, четверо наших гвардейцев остались бы живы» – с сожалением думал он.

Победы Лемана вдохнули в парня новую уверенность. Поддавшись общему настроению, как и все, он выкрикивал имя своего отца, когда тот спускался к арене. Аль предвкушал скорую победу, но в походке и движениях Эмистана, что-то показалось ему странным. Что-то вдруг насторожило и даже испугало томена. Он больше не кричал как все, подпрыгивая и вскидывая вверх руки. С последним глотком воздуха, внутрь пробралось скребущее болезненное ощущение неизбежного несчастья. Желудок сжался в камень, и режущими нитями потянул на себя остальные органы.

Вцепившись в перила Аль наблюдал за каждым шагом владыки, и когда Эмистан обронил меч, все нити натянулись до предела и сдавили горло.

Владыка вошел в Круг смерти. Трибуны начали стихать, пронесся шепот, повисло молчание, и вдруг, в один миг, вся вселенная взорвалась оглушительным криком отчаяния и боли.

«Убит!» – молнией сверкнуло в голове Аля. «Измена! Предательство!» – толпа заволновалась, колыхнулась вниз, прижимая нижние ряды к солдатам оцепления.

Аль дрожал от злости, кулаки побелели, а лицо стало багровым, будто обдали кипятком. Он еще не понял, что произошло, и точно ли погиб отец, и кто виноват, но где-то там за оцеп-

лением точно было предательство, и надо было срочно туда прорваться, и отомстить, и наказать всех врагов, которые убивают их, хохочут, плюют в душу и думают, что все это им сойдет с рук.

Оцепление прорвали в нескольких шагах от Аля. Его оттеснили, толпа хлынула вниз, и те, кто оказались первыми, наткнулись на мордейские штыки. Здесь, у самой арены своих владык защищали больше тысячи охранников со всех Миров Пятигорья. Ловко орудуя копьями и мечами, мордейцы расправлялись с толпой; они медленно организованно отступали, возводя перед собой баррикады из человеческих тел. Стратегия их была проста и эффективна. Первый ряд воинов сдерживал натиск щитами, а из-за их спин, имея достаточно места, чтоб размахнуться, наносили свои смертоносные удары копейщиками.

Верхние трибуны напирали. Толпа вынесла Аля прямо на штыки, и скоро он оказался прижатым к щиту. Над головой сверкали стальные жала копий. Аль уперся в щит локтями, в надежде выиграть хоть какое-то пространство для маневра. Несколько раз это спасло ему жизнь. Как только копейщик делал очередной выпад, Алю удавалось уклоняться, и копье вонзалось в того, кто оказывался позади. Натиск был таким, что убитые не падали, а продолжали двигаться вместе с толпой.

В какой-то момент у Аля потемнело в глазах, грудь будто сдавило тисками и продолжало сжимать, но к счастью мордейцы не выдержали напора, и отступили, потеряв строй. Аль вовремя смог вытащить свой короткий клинок, и скользящим ударом успел отвести в сторону нацеленное в живот острое чужого меча. Ответным ударом в бок, он убил нападавшего. Щиты снова сомкнулись, но Аль смог подпрыгнуть, и проткнуть шею держащему щит мордейцу. Солдат упал, потянул на себя, и томен вдруг оказался среди врагов. Больше он не контратаковал, только отбивался, но вражеских копий и мечей было так много, что отразить их всех, или вернуться, получалось не всегда. Аль дрался, но мысли были не здесь. Он думал об отце, думал о Стахе, который еще не успел уйти из Круга смерти. И он еще тешил себя надеждой, что сможет вырваться отсюда, догнать его и убить.

В пылу схватки, томен почти не чувствовал боли. Ему сильно рассекли кожу на голове, и теперь кровь заливала правую половину лица, широкий мордейский меч ударил в грудь, и если бы ни кольчуга, разрубил бы до позвоночника, а так сломал несколько ребер и рассек плечо. Для одного врагов здесь было слишком много, еще чуть-чуть и Аля порубили бы на кусочки, как тушу телянка на рынке. Но телохранители бородачи подросли вовремя. Для мечей здесь тесно – не размахнешься, и они пустили в дело свои короткие крепкие горские топоры. Аля оттеснили, и это дало, какое-то время для передышки. Только сейчас он заметил, что харпийская стража уже не сдерживает толпу, солдаты оцепления вместе со всеми атакуют разрозненную пеструю армию девяти Миров.

Нижние трибуны были завалены мертвыми телами, но бой не прекращался, схватка в самом разгаре. Толкаясь локтями и запинаясь об покойников Аль смог пробиться к краю арены. Охранники отстали и потеряли его, но он не собирался никого ждать. Томен двигался наперерез течению, поэтому смог заметить продирающегося следом одетого в черную рясу старообрядца. «Что-то с ним не так, – подумал Аль. Еще раз оглянулся, и понял что с эти божьим человеком все не так. Перебитый нос, исполосованное шрамами лицо, и выбитые зубы. – Этот не из тех, кто всю свою жизнь день и ночь молится Тому который знает, – заметил про себя Аль. – Охотник за головами. Золотой ромб, отточенный нож и дешевое кабацкое пойло – единственные боги, которых он признает».

От стены, до огненного рва дрались только солдаты. Толпа оставалась на трибунах. На противоположной стороне чернели три входа ведущих в подземные залы Арены воинской доблести. Ромульцы, Отийцы, воины Адломы и прочие, вводили туда своих перепуганных владык, одного за другим.

Аль наконец увидел того, кто был ему нужен. Стах уже перебрался через горящий ров, но второпях оступился и подвернул ногу; солдаты личной охраны окатили его ведром холод-

ной воды, и, подхватив под руки, поволокли в укрытие, как дымящееся полено. Эртукийский клинок Лемана, с которым вышел на поединок отец, Стах забрал собой. Аль узнал его яркие неповторимые переливы и особый блеск стали, закаленной самими богами.

– Барахольщик, – процедил сквозь зубы томен. – Красивые цапки любишь. Ты не уйдешь от меня, Стах! – крикнул он. – Я все равно найду тебя! Найду, где бы ты не спрятался, а потом!.. – Аль выхватил из ножен меч, не глядя, с разворота ударил наотмашь, и рассек горло фальшивому старообрядцу, который застыл в трех шагах, с занесенным над головой ножом.

Схватившись за горло, наемник рухнул на колени. Аль удостоил его лишь скольльзящим взглядом, быстро спрятал меч в ножнах под плащом, и, перепрыгнув через перила, оказался на песке арены. Солдаты сражались повсюду, но для них он был всего лишь горожанин, который оказался не в том месте не в то время. Внимания на него почти никто не обращал, и, больше не впутываясь в драку, уклоняясь от случайных мечей, он помчался на другую сторону арены, надеясь пробиться к коридорам за которыми скрылись владыки, до того как стальные решетки перекроют вход.

Редкое везение сопровождало Алю в этом не простом предприятии. Солдаты, которые оказывались на его пути, уходили в сторону, падали, сраженные чьим-то копьем, или пробегали мимо, торопясь на помощь кому-то из своих. Когда он вновь вскарабкался на перила, перекувыркнулся и стрелой влетел в черный коридор, никто его не заметил, а уже через секунду дюжина отийцев толпилась у входа, и кто-то запыхавшимся боязливым голосом вскрикнул: – Опускайте решетки!

Аль неся по темному коридору, освещенному редкими факелами, когда решетка позади него звонко стукнулась о каменный пол. Долго она бы не выдержала, небольшое усилие, и люди Лемана, смяли бы ее как разъяренный бык плетеный забор. Но этому не было суждено случиться. Аль не знал, но Харум уже вводил на арену штурмовиков, чтобы остановить бессмысленное кровопролитие.

Аль пробежал мимо нескольких групп солдат, которые в темноте не разглядели и не остановили его. Здесь царил хаос, охранники владык были растеряны и напуганы не меньше своих хозяев. Аль добежал до огромных полузакрытых дубовых дверей, из-за которых пробивался яркий свет. Хотел ворваться, но чувство опасности вовремя остановило его, интуитивно он ушел в сторону, и встал за дверью именно тогда, когда она распахнулась. Полсотни Атгарцев, громко топоча сапогами, растянутой колонной промчались в сторону входа. Видимо владыки немного пришли в себя, и поняли, что без хорошего прикрытия далеко им не уйти. И малым числом, куда легче держать оборону в тесных коридорах, чем в просторных залах. Аль услышал чьи-то рассерженные голоса, и прильнул к щели в двери. Огромное помещение освещалось десятками факелов, и тремя неугасаемыми священными кубками Вечного огня. Это были большие сосуды в которых горела тягучая черная вода, из мертвых подземных рек на Востоке.

Зал битком набит людьми, у стен стонали израненные солдаты, вся знать девяти Миров топталась в центре; на возвышенности, возле серебряного памятника сидящего на троне Элинора Басила собрались владыки. Аль раньше никогда не видел их в живую, но все их портреты висели во дворце у отца, и про каждого, что-то рассказывали наставники.

– Где твой отец?! – кричал кому-то, через весь зал грузный старик с заплывшим жиром лицом. Им оказался владыка Болеи Итиль Дугл. Аль узнал его, хоть на картине он гораздо стройнее, и лицо не изрыто оспинами. – Где это подлое насекомое? – не унимался он. – В какую паутину нас бросил твой папаша на этот раз?! Какими мухами объелся старый дурак?! Из-за него нас тут всех перебьют! Это вы отравили Эмистана, а отвечать заставят нас!

– Его никто не травил! Это был честный поединок. – Аль прижал лицо к стене, толстяк выпал из поля зрения, но появился Стах. Скрестив руки на груди, он уперся плечом в широкую колонну. Сейчас он был похож на плоскомордого бойцовского пса, рычащего на разбуженного в берлоге медведя. – Он сам вызвал меня вчера! Сам напросился! А то, что он запнулся там

где-то по дороге, это уже не моя забота. У меня появился шанс и я им воспользовался. Если не забыл, вчера он обещал убить меня! Но что ж, я оказался быстрее.

– А вот про это никому не рассказывай! – зло посмеялся Итиль. – Про это ты будешь врать у себя дома. Я не слепой. Я знаю, что я видел. И все мы видели одно и то же! Но хуже всего, что они там! – Он ткнул пальцем вверх, – тоже это видели! Вы отравили владыку Харпы. Толпа хочет крови. Леман сбесился. Теперь никого из нас не выпустит. Нам всем конец! Ты и твой папаша постарались. Паук уже строчит письма нашим этионам, в подробностях описывая, как хрустят наши шеи под топорами подлых харпийцев. Вот так он получит в свой карман все наши армии! – крикнул он, вертя головой по кругу. – Вот он их коварный план. Этот заговор не только против Эмистана. Этот заговор против всех нас!

– Как видишь, я тоже здесь. Из нас двоих меня прикончат первого. Думаешь, я не хочу жить? Если бы отец хотел убить вас, уж меня бы он с вами не оставил.

– Какой же ты кретин, Стах, – с улыбкой отвращения, произнес Итиль. – Правду говорят, что у тебя вместо головы груша. Вот поэтому он тебя и оставил. Тебя, и даже твоего брата он бросил в печку и теперь греет возле нее руки. Теперь он жертва. Убитый горем папаша жаждет мести и собирает под свое командование армии девяти Миров для священного похода.

– Это ужасно, – всхлинула какая-то девушка, совсем рядом с Алем. Томен на секунду забыл про Стаха, пододвинулся ближе к щели, и посмотрел в другую сторону. В шаге от двери стоял задумчивый Урлих Ротрик, младший сын Талина. Его молодая беременная жена Тина прижималась к нему, как испуганный ласковый котенок. – Это ужасно, – повторила она. – Неужели это правда. Твой отец так хочет этой войны, что готов бросить ей на съедение даже собственных детей. Ты только не отпускай меня. Когда харпийцы ворвутся сюда, пусть нас убьют вместе. Я прижмусь к тебе и не отпущу даже после смерти.

– Тебя они не тронут, – сказал Урлих, поглаживая ее длинные прямые волосы. – Ты ждешь ребенка. У них ведь тоже есть матери и жены. Они не станут убивать беременную женщину.

– А как же ты?.. Я не хочу жить без тебя.

– Я все еще надеюсь, что этот жирный Дугл ошибается, – попытался обнадежить Урлих, но в голосе не было уверенности. – Мы ничего не сделали. Эмистана убил Стах. Если Леману так не терпится отрубить кому-нибудь голову, то пусть его и убивает.

– Это все тот старик придумал, – сказала Тина, слегка приподнимаясь на цыпочки, и украдкой поглядывая в разные стороны. – Тот слепой старик. Его ведь тоже здесь нет. Видишь, он знал... Знал, что так будет. Мы забились, как мышь в щель, и скоро кошка нас отсюда выцарапает. Но это хорошо, что его здесь нет, – всхлинула девушка. – Пусть живет, только бы не видеть в последние минуты этого страшного лица. Синий, как покойник, а глаза... И он все время меня трогает. Подходит, без конца спрашивает, что мне нужно, и трогает мой живот. Как бы случайно, но я-то знаю, что не случайно. Какой он противный. Как он появился, все у нас пошло не так. У меня все время кружится голова, мне снятся дурные сны, появилось предчувствие чего-то страшного. Я так боюсь за отца... Я так боюсь за братьев. А больше всего волнуюсь за тебя...

– Зачем ты сейчас говоришь об этом? – недовольно произнес Урлих. – Давай о плохих предчувствиях поговорим потом... Потом, когда этот ужас закончится.

– Этой ночью мне снова снился тот мальчик. Он стоял надо мной, а я лежала в постели не могла пошевелиться. Смотрел на меня своими большими черными глазами. И мне все казалось, что я уже проснулась, а он все не уходил. И я заставляла себя просыпаться снова и снова. Я пригляделась, и поняла, что это у него вовсе и не глаза, а глубокие черные дыры. А потом ты пошел, взял его на руки, и стал качать. Я открывала рот и хотела сказать: «ты только посмотри на него», но ты меня не слышал. Я знаю, случится что-то очень страшное. Я так боюсь...

– Лучше ничего не говори, – нахмурился Урлих. – Не нужно никакого дара предвидения, чтобы понять, что дела у нас плохи. Тут у всех сейчас дурное предчувствие.

– Нет, я о другом... Совсем о другом...

– Твой брат возвращается, – с удивлением произнес муж. – А он будто рад чему-то. Авилла! – крикнул он, как показалось Алю, глядя прямо на него. – Не уж-то у тебя хорошие новости? Что там снаружи?

– Закончилось! – радостно закричал кто-то юношеским голосом из глубины коридора, позади Аля. – Все кончено! Леман Отступил! Там какой-то старик, кто-то из их этионов, привел на арену целую армию. Там тысячи солдат. Они встали между Леманом и нами. Этот старый, приказал Леману, и он послушался. Испугался, трус! Я сам слышал, как Леман приказал своим меченосцам отступить.

– Авилла, это правда?! – не веря в такую удачную развязку, воскликнула Тина.

– Да сестренка, это правда! Мы спасены! – все так же радостно отвечивал юноша. – Я слышал, нас проведут по туннелям, которые проходят под городской стеной. Мы сможем подняться, как только их солдаты оцепят городские улицы, чтобы чернь не бросалась на нас и не швыряла камни.

Зал зашумел, заговорили все и сразу. Топор палача отведен, и теперь, после гнетущего молчания, каждому не терпелось выговориться.

– Что у них за армия, что за порядки?! – крикнул кто-то из знати. – Не могут разогнать кучку оборванцев! Просвещенная Харпа... тьфу... Слишком много воли они дают своей черни!

– Тут не чернь, тут вся Харпа озлобилась, – кто-то не очень громко, ответил ему.

– Поскорей бы убраться отсюда. Сифеас сейчас устроит настоящую резню...

– А нам-то что?! Их Мир пусть сами разбираются. Пусть режут друг друга вдоль и поперек, если им так нравится. А нам домой пора. И пусть дают сопровождение. Это животное Леман перебил всю мою охрану!

– Ну что, старый пень?! – крикнул Стах владыке Болеи. – Я же говорил, никто из нас не умрет. Отец знал, что будет именно так! Он не стал бы рисковать нашими жизнями. Ты еще успеешь взять свои слова обратно, пока твоя едкая желчь не выжгла его чистую душу! Может, сначала пусть услышит извинения, а уже потом, со смягченным сердцем узнает о лжи и грязи, в которой тебе так не терпелось его вывалить.

– Что же он удрал тогда? – спросил Итиль. – Где он?

– У него свои дела.

– Сын в Кругу смерти, а у него дела?

– Авилла, брат, иди скорей ко мне, я обниму тебя! – крикнула Тина, и сразу выпала из полосы, которая была доступна обозрению Аля. – Ты точно уверен, что все кончено? Леман не ворвется?..

– Можешь не бояться Тина. Пусть только попробует! Если появится здесь, я выпущу этому трусу кишки.

– Авилла. Ты мой любимый брат. Мой герой... А что говорят, когда же мы уедем отсюда?

– Харпийцы должны обеспечить нашу безопасность. Так что, скорее всего дня через три, пока у них у самих тут все уладится.

Возле дубовой двери остановились двое. Аль слышал только их голоса. «Гвардейцы Ротриков» – скоро догадался он.

– А ты думаешь будет как-то по другому, Борчик? – надрывался один. – По другому не бывает! Скоро Харпа начнет грызть себе руки и ноги; нам останется только перекусить ей шею. Помни мое слово: через два месяца мы снова окажемся здесь, но уже не как гости, а как завоеватели.

– Не так быстро, – ответил тот, кого он назвал Борчиком. – Эмистан дохлятина, но без владыки Харпа не останется. Борьбы за трон не будет. Вся эта возня закончатся уже сегодня. Поверь, Аль Басил сгниет раньше собственного папаша. Варды поддерживают Сифеаса – ему править по закону. Говорят, их Южная и Западная армии тоже пойдут за Сифеасом. Аль где-то в городе, и его отсюда не выпустят. Скорей всего мухи уже гадят на его нежные розовые потроха. Но даже если это и не так, жить ему не долго. Армии, которые готовы драться за младшего слишком далеко. Они поспеют сюда, как раз на присягу Сифеасу.

– Ты слышал про двести ромбов?

– Да, кому-то повезет. Говорят, скоро Сифеас удвоит вознаграждение за голову брата. И тогда я точно брошу службу. Куплю себе пять плащей, чтоб менять когда намокнут от дождя, и буду сутками поджидать возле его замка, или возле дворца папаша, как все эти сорвиголовы и пьяницы, которым больше нечем заняться. Вот только мне в отличии от них улыбнется удача.

– И ты не испугался бы убить томена? Аль, он ведь из такого древнего рода...

– Ну и что? Я тоже из древних... Ты думаешь, Северионов вчера придумали?

– И ты смог бы прийти к Сифеасу за наградой?.. Вся Харпа проклянет тебя.

– За двести ромбов – пусть проклинаят. Я даже сам помогу им в этом. Я готов отдать половину этих ромбов божьим людям, чтобы они кляли меня до скончания века. Пусть только заплатят. Но все это ни к чему. Тот который знает никого не слышит. Совсем оглох от старости. Веришь, все наши, как приехали сюда, так и молятся, только бы жил наследничек. Каждый этому бедняге Алю сам голову отрезать хочет... Никто не знает, как он выглядит. Рисунки с его лицом продают на площади по десять цейлонов. И везде он разный. Подсовывают абы что, только бы деньжат заработать. У людей совсем нет совести. Узнать его можно только по родовому знаку. А я сначала не понял, смотрю утром – Пилс и его ребята, нашли каких-то пьяниц на улице, разбудили, и давай закатывать им рукава. Потом признались – это они татуировку искали. Ха-ха-ха!.. Они думают тут томены, как кабацкая пьянь, на улицах под заборами валяются... Ха-ха-ха...

Глава 11

В течении получаса владыки один за другим стали покидать зал. Они уходили дальше по коридору. Предстояло пройти два круга под землей, прежде чем доберутся до города, поднимутся на поверхность и окажутся в Божьем доме в парке, напротив дворца Эмистана. Выход охраняла многочисленная харпийская стража. Владыки и их свита относились к ним с большим недоверием, то и дело косились на копыя и мечи. Но выбора не было, приходилось довериться солдатам, которые меньше часа назад прорывались в подвалы арены, чтобы убить их. От Божьего дома тянулись еще несколько коридоров, один из которых вел во дворец владыки. Все городские крепости когда-то были связаны подземными ходами, но за сотни лет почти все они обвалились. Этионы, которые занимались безопасностью правящей элиты оставили лишь несколько главных артерий.

Зал пустел, но голос Стаха еще доносился откуда-то слева; старший сын Талина все еще выяснял отношения с Итилем, но теперь они говорили гораздо тише, и слов не разобрать. Неожиданно Аль услышал позади себя хрипящий болезненный стон. По коридору, придерживаясь за стену, и с трудом передвигая ноги, ковылял раненый болейский солдат. Его кто-то окликнул, но он вяло отмахнулся. Аль разобрал его шепот: «оставьте меня... оставьте...»

Дойдя до конца коридора он уперся головой в стену, повернул лицо и увидел Аля, и Аль подумал, что он выдаст, но взгляд солдата был туманным и безразличным. На какое-то мгновение удивление промелькнула в глазах болейца, но, вместо того, чтобы закричать, он повернулся спиной к стене, сполз на пол и через секунду затих, не закрывая печальных широко раскрытых глаз.

Очередной отряд прогремел сапогами в коридоре. Как только замыкающий колонны прошел мимо, Аль метнулся к болейцу, отцепил и вытащил из-за спины рыжий плащ, с вышитыми красными мечами и орлом, накинуд на себя, затем сорвал с головы мертвеца серый, похожий на горшок шлем, и, одевая на ходу, бросился в зал.

Аль знал, что как только он убьет Стаха, гвардейцы Ротриков накинудся на него и растерзают, как волки ягненка. Но знал так же и то, что если сейчас не решится на это, то потом никогда себе не простит, и другого такого шанса может уже не представиться. Все что у него было, или могло быть – жизнь, борьба за трон, признание народа и даже судьба всей Харпы не имели больше значения. Жажда мести затмила все желания. Он готов был отдать душу, но отомстить убийце отца.

Болейцы и их владыка еще были здесь, но войны Схалы и сам томен Стах уже покинули зал. Для гвардейца Аль был слишком молод, и ему приходилось бежать с опущенной головой, чтобы никто не увидел лица. Болейцы проводили его взглядом, и кто-то из них даже подозрительно окликнул, но Аль сделал вид, что не расслышал, и умчался вперед. Но не только они обратили на него внимание. Хоть два плаща и придавали фигуре томена объема, но роста заметно не хватало. А именно высокий рост всегда было первым отличием гвардейца.

– Куда бежишь болеец? – перегородил ему путь рослый отиец, с нашивкой желтого тигра на накидке в районе плеча. Он был замыкающим колонны, и будь перед ним даже сам владыка Болеи Итиль Дугл, он бы его не пустил.

– Догоняю своих, – ответил Аль. – Я был на входе. Поздно позвали. Приходится всех уговаривать, никто не хочет пропускать.

– Заммед, ты скоро? – окликнули отийца.

– Сейчас, – отозвался он, подозрительно разглядывая Аля. – Тебе чего надо, коротышка? Мы идем за Схалой, а твои идут за нами. Так что возвращайся, впереди тебе делать нечего.

– Мне надо догнать Стаха, – сказал Аль. – Томена Стаха, из рода Ротриков, – добавил он, когда, увидел, что гвардеец его не понимает.

– Не получится, – произнес отиец, удивляясь. Аль с его нелепой идеей казался ему сумасшедшим. – У вас там в Более совсем плохо кормят? Мужчины, похоже, выродились, понабирали в гвардию тупоумных мальчишек. Живо развернулся, и пошел отсюда.

– Мне нужна будет твоя помощь, – не слушая его, произнес Аль. Оглянулся, когда позади раздались гул и голоса: владыка Болеи и его отряд, уже догоняли их. – Мне нужна твоя накидка, и твой шлем, – торопливо добавил Аль. – Если ты отдашь мне сам, то я не убью тебя.

Меняясь в лице, отиец взялся за рукоять меча.

– Я так и думал, – уверенно, но с чуть заметным сожалением произнес Аль.

В коридоре было темно, большая часть факелов погасли. Хорошо освещалась только начало колонны и середина, где, взяв под руку одну из своих любовниц, по имени Кизия, вышагивал владыка Отии Адрий Лал, не высокий, в годах мужчина, с маленьким лицом, и жидкими волосами. Четверо этионов, которые повсюду следовали за ним, сутулились и казались еще ниже. Чтобы не выделяться на фоне владыки они брились наголо.

– Толкаются! – вдруг завопила Кизия – юная, манерная напуганная этим безумным днем, и раздраженная бесконечным, жутким, сырым коридором. – Меня раздавят эти дураки! Зачем здесь толкаются эти неповоротливые лоси?

– Какие еще лоси? – вышел из задумчивости Адрий. – Кто тебе снова померещился, дорогая?

– Померещился?! Значит, померещился?! – раздраженно бросила она. – Когда они меня затопчут, я буду тебе мерещиться. Вон тот вот, видишь, идет, как ни в чем не бывало. Выскочил сзади, ударил в плечо, всю меня сломал, а ты ничего не видишь, тебе все равно!

– Кто такой? Покажи мне его! – возмутился Адрий.

– Кажется вот этот он! Вот который впереди идет! А ну стоять! А ну стой солдат!

– Стоять всем! – не смотря на ничтожность своего роста и фигуры, на удивление властно приказал Адрий. Колонна замерла, солаты не оборачивались, смотрели строго перед собой. – Ты, который толкнул мейси, повернись сейчас же! – сурово произнес владыка, но никто не сдвинулся. – Ты что не слышал моего приказа?!

Один из гвардейцев, тот, что был заметно ниже других, постучал по плечу впереди стоящего: – Ты что оглох? К тебе обращаются. Владыка зовет.

Гвардеец развернулся, сделал несколько шагов, и замер. Не смотря на тусклый свет, было видно, как побелело от страха его лицо.

– Клянусь владыка, это не я.

– Этот? – спросил Адрий.

– Этот, – сказала Кизия. – Они все здесь! И вон тот тоже, я его запомнила!

– Который, покажи!

Не высокий гвардеец, не дожидаясь, когда его снова позовут, стукнул в бок еще одного, того, который стоял чуть впереди слева.

– Будешь делать вид, что ты не слышишь? Долго еще намерен прятаться? Кррругом! Пять шагов вперед!

Гвардеец выполнил приказ, и когда остановился перед владыкой, Адрий со всей силы ударил его кулаком по челюсти, но эффект был ничтожным, и он повторил еще два раза. Кизия тоже ударила, но смогла дотянуться только до шеи.

– На колени, – приказал Адрий.

Солдат встал на колени, и Кизия, наконец, смогла отвести душу, надавав ему несметное число пощечин. Когда устала, то вдруг зарыдала, и, упираясь лицом в грудь Адрия, начала причитать: – Я не хочу! Я не хочу больше здесь находиться. Я не хотела сюда ехать, это ты меня взял... меня здесь из-за тебя чуть не убили. Так ты меня любишь? – Девушка отодвинулась от него и с силой ударила ладонью по щеке, оставив багровые полосы от пальцев. Хотела добавить, но Адрий перехватил ее руку.

– Все, пошли, – с трудом сдерживая гнев, произнес он. – Если кто хоть дыхнет в ее сторону, убью! Пошли олухи!

Колонна двинулась, а тот самый невысокий гвардеец, скоро вырвался вперед и незаметно исчез в темноте.

Глава 12

Когда Аль, наконец, выбрался из затхлого подвала на поверхность, его окружили солдаты городской стражи. Томен огляделся по сторонам, но ни Стаха, никого из его охраны рядом не оказалось.

– Где они? – отчаянно крикнул Аль, порываясь вырваться из просторного зала Божьего дома. После подземелья, глаза медленно привыкали к свету. Позолоченные древние руны, которыми были расписаны стены, и серебряные лики сорока пророков слепили его. Стражники подхватили за руки, не давая пробиться к выходу. – Где они?! – настойчиво повторил томен. – Где Стах?! Куда вы его отвели?!

– Солдат, на тебе плащ отийского гвардейца, преграждая путь мечом, обратился к нему старший из стражников, – зачем тебе понадобился томен Схалы?

– Мне надо его видеть! Срочно! Меня послали?! Его жизнь в опасности! Надо предупредить!

– Нам приказано охранять владык девяти Миров. Ни с кем из них ничего не случится. Мы всех доставим в Солнечные замки на Запад, ко второй городской стене. Там они будут под нашей защитой. Потом мы сопроводим вас до границы Харпы. Так распорядился этион верховного круга, Харум Адий.

– Мне надо срочно выйти в город! – настаивал Аль.

– В городе беспорядки. Там не безопасно. Вы убили нашего владыку, только появившись там один и толпа разорвет тебя в клочья. Я бы и сам перерезал тебе глотку. Но нам приказано вас защищать. Тяжелый приказ, но мы вынуждены подчиниться. Тебе лучше остаться здесь и дожидаться своих.

– Я уйду! Пусти меня, проклятый харпиец! И может быть, я пощажу твоих детей, когда мой владыка Адрий вернется сюда через месяц со своей армией.

Стражник отошел сторону, и опустил меч.

– Пусть уходит, – сказал он своим. – Послушай отиец, за такие слова я бы убил тебя сам, но там, за забором и без меня желающие найдутся. Мечтай завоевать Харпу и дальше. У этой мечты появится прочный фундамент, когда толпа размажет твои мозги по мостовой. Вышвырнете его отсюда! – крикнул стражник. – И не смейте впускать, когда начнет проситься обратно.

Алю чем-то понравился этот командир, он даже подумал о том, что может быть стоит открыть свое имя, и попробовать переманить его и его людей на свою сторону, но скорей всего они просто отведут его к Сифеасу, чтобы выслужиться. Все военные сделали свои ставки, как только узнали о смерти Эмистана. И выбор большей части из них, далеко не в его пользу.

Пятеро солдат вытолкали Аля на улицу и бросили за калитку.

– Отиец! Смотрите, отиец! – раздалось над головой сразу несколько голосов. Здесь, за воротами и в самом деле собралось не мало народу. Харпийцы были возмущены. Сначала городская стража вывела из Божьего дома атгарцев, потом Ротриков со всей их свитой, а теперь, как ни в чем не бывало, тут разгуливают отийцы. Как будто не эти подлецы, час назад отравили, и убили их владыку. – Хватайте его! Хватайте! – загодела толпа. Аля окружили, но он смог подняться и вытащить клинок.

– Убью! – прокричал он. На секунду толпа остановилась, но в сторону Аля потянулись короткие острия ножей, и железные прутья, вырванные из парковой ограды. Круг снова начал сужаться. Аль сбросил с головы шлем, и расцепил застежку на своей накидке. Черная ткань волной колыхнулась на ветру, улетела в толпу, и запуталась в чих-то ногах, отблескивая на солнце золотистыми нитями вышитой тигриной головы. В толпе пронесся удивленный ропот.

Теперь вместо отийца перед ними оказался болейский гвардеец, укутанный в оранжевый плащ, с красными топорами и белым орлом на плече.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.